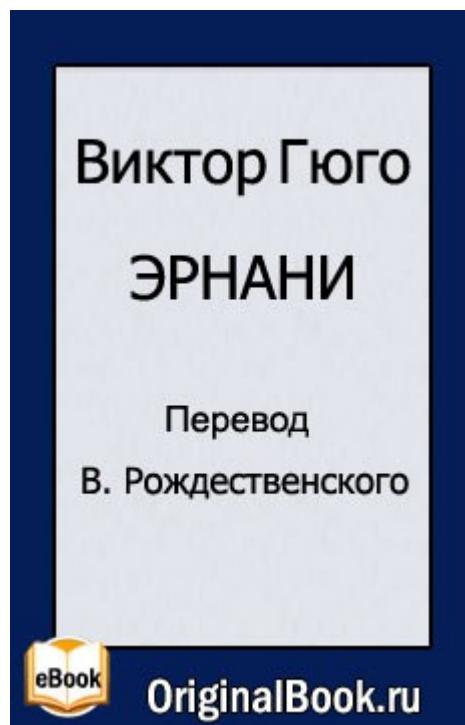

Виктор Гюго ЭРНАНИ

Оригинал:

Hernani

1830

Перевод Вс. Рождественского.

Гюго В. Собрание сочинений в 10 т.

М., Правда, 1972; (библиотека «Огонек»)

«Эрнáни» — романтическая драма в пяти действиях в стихах французского писателя, поэта и драматурга [Виктора Гюго](#), написанная 25 сентября 1829 года. Премьера состоялась 25 февраля 1830 года в театре «Комеди Франсэз» (Comédie-Française).

Впервые опубликована в 1830 году.

Ebook: <http://originalbook.ru>

ПРЕДИСЛОВИЕ

Несколько недель тому назад автор этой драмы писал по поводу ранней смерти одного поэта:

«В наше время литературных схваток и бурь кого должны мы жалеть — тех, кто умирает, или тех, кто сражается? Конечно, грустно видеть, как уходит от нас двадцатилетний поэт, как разбивается лира, как гибнет будущее юного существа; но разве покой не есть также благо? Не дозволено ли тем, вокруг кого беспрерывно скопляются клевета, оскорблений, ненависть, зависть, тайные происки и подлое предательство; всем честным людям, против которых ведется бесчестная война; самоотверженным людям, желающим в сущности только обогатить свою родину еще одной свободой — свободой искусства и разума; трудолюбивым людям, мирно продолжающим свой добросовестный труд и, с одной стороны, терзаемым гнусными махинациями цензуры и полиции, а с другой стороны — слишком часто испытывающим на себе неблагодарность тех самых умов, для которых они работают, — не позволительно ли им с завистью оглядываться порой на тех, кто пал позади них и спит в могиле? «In video, — сказал Лютер на кладбище Вормса, — in video, quia quies-cunt». {Я завидую, — завидую, потому что они покоятся (лат.).}

Но что из того? Будем мужаться, молодежь! Каким бы тяжким ни делали нам настоящее, будущее будет прекрасно.

Романтизм, так часто неверно понимаемый, есть, в сущности говоря, — и таково правильное его понимание, если рассматривать его только с воинствующей стороны, — либерализм в литературе. Эта истина усвоена почти всеми здравомыслящими людьми, а их немало; и скоро, — ибо дело далеко уже подвинулось вперед, — либерализм в литературе будет не менее популярен, чем либерализм в политике. Свобода искусства, свобода общества — вот та двойная цель, к которой должны единодушно стремиться все последовательные и логично мыслящие умы; вот то двойное знамя, под которым объединяется, за исключением очень немногих людей (они еще поймут), вся нынешняя молодежь, такая стойкая и терпеливая; а вместе с нею — возглавляя ее — и весь цвет предшествовавшего нам поколения, все эти мудрые старики, признавшие, — когда прошел первый момент недоверия и ознакомления, — что то, что делают их сыновья, есть следствие того, что некогда делали они сами, и что

литературная свобода — дочь свободы политической. Этот принцип есть принцип века, и он восторжествует.

Сколько бы ни объединялись разные ультраконсерваторы — классики и монархисты — в своем стремлении целиком восстановить старый режим как в обществе, так и в литературе, всякий прогресс в стране, всякий успех в развитии умов, всякий шаг свободы будут опрокидывать их сооружения. И в конечном итоге их сопротивление окажется полезным. В революции всякое движение есть движение вперед. Истина и свобода обладают тем удивительным свойством, что все совершающееся как для них, так и против них одинаково служит им на пользу. После стольких подвигов, совершенных нашими отцами на наших глазах, мы освободились от старой социальной формы; как же нам не освободиться и от старой поэтической формы? Новому народу нужно новое искусство. Отдавая дань восхищения литературе эпохи Людовика XIV, так хорошо приноровленной к его монархии, нынешняя Франция, Франция XIX века, которой Мирабо дал свободу, а Наполеон — могущество, сумеет, конечно, создать свою собственную, особую национальную литературу». {«Письмо к издателям стихотворений Дковаля». (Прим. автора.)}

Да простят автору этой драмы, что он цитирует самого себя; его слова так слабо запечатлеваются в умах, что ему часто нужно повторять их. Впрочем, в наши дни, может быть, и уместно снова предложить вниманию читателей эти две воспроизведенные выше страницы. Не потому, чтобы эта драма сколько-нибудь заслуживала прекрасное наименование нового искусства или новой поэзии, вовсе нет; но потому, что принцип свободы в литературе сделал сейчас шаг вперед; потому, что сейчас совершился прогресс, не в искусстве, — эта драма — вещь слишком незначительная, — но в публике, потому что, по крайней мере в этом отношении, осуществилась сейчас часть предсказаний, которые автор дерзнул сделать выше.

Было в самом деле рискованно так внезапно переменить аудиторию, вынести на сцену искания, доверявшиеся до сих пор только бумаге, которая все терпит; публика, читающая книги, очень отличается от публики, посещающей спектакли, и можно было опасаться, что вторая отвергнет то, что приняла первая. Этого не случилось. Принцип литературной свободы, уже понятый читающим и мыслящим миром, был в столь же полной мере усвоен огромной, жадной только до впечатлений искусства толпой, наводняющей каждый вечер театры Парижа. Этот громкий и мощный голос народа, напоминающий глас

божий, повелевает впредь, чтобы у поэзии был тот же девиз, что и у политики: терпимость и свобода.

Теперь пусть явится поэт! Для него есть публика.

Что же касается этой свободы, то публика требует, чтобы она была такая, какой она должна быть, чтобы она сочеталась в государстве с порядком, в литературе — с искусством. Свобода обладает свойственной ей мудростью, без которой она не полна. Пусть старые правила д'Обиньяка умирают вместе со старым обычным правом Кюжаса, — в добрый час; пусть на смену придворной литературе явится литература народная, — это еще лучше, но главное — пусть в основе всех этих новшеств лежит внутренний смысл. Пусть принцип свободы делает свое дело, но пусть он делает его хорошо. В литературе, как и в обществе, не должно быть ни этикета, ни анархии, — только законы. Ни красных каблуков, ни красных колпаков.

Вот чего требует публика, и она права. Мы же, из уважения к этой публике, так не по заслугам снисходительно принявшей наш опыт, предлагаем ей теперь эту драму в том виде, как она была представлена. Придет, быть может, время опубликовать ее в том виде, как она была задумана автором, с указанием и объяснением тех изменений, которым она подверглась ради постановки. Эти критические подробности, быть может, не лишены интереса и поучительны, но теперь они показались бы мелочными; раз свобода искусства признана и главный вопрос разрешен, к чему останавливаться на вопросах второстепенных? Мы, впрочем, вернемся к ним когда-нибудь и поговорим также весьма подробно о драматической цензуре, разоблачая ее с помощью доводов и фактов; о цензуре, которая является единственным препятствием к свободе театра теперь, когда нет больше препятствий со стороны публики. Мы попытаемся, на свой страх и риск, из преданности всему тому, что касается искусства, обрисовать тысячи злоупотреблений этой мелочной инквизиции духа, имеющей, подобно той, церковной инквизиции, своих тайных судей, своих палачей в масках, свои пытки, свои членовредительства, свои смертные казни. Мы разорвем, если представится возможность, эти полицейские путы, которые, к стыду нашему, еще стесняют театр в XIX веке.

Сейчас уместны только признательность и изъявлении благодарности. Автор приносит свою благодарность публике и делает это от всей души. Его произведение, плод не таланта, а добросовестности и свободы, великодушно защищалось публикой от многих нападок, ибо публика тоже всегда

добросовестна и свободна. Воздадим же благодарность и ей и той могучей молодежи, которая оказала помошь и благосклонный прием произведению чистосердечного, независимого, как она, молодого человека! Он работает главным образом для нее, ибо высокая честь — получить одобрение этой избранной части молодежи, умной, логично мыслящей, последовательной, по-настоящему либеральной и в литературе и в политике, — благородного поколения, которое не отказывается открытыми глазами взирать на истину и не отказывается от широкого просвещения.

Что касается самой драмы, то автор не будет о ней говорить. Он принимает критические замечания, которые делались по поводу нее, как самые суровые, так и самые благожелательные, потому что из всех можно извлечь пользу. Автор не дерзает льстить себя надеждой, что все зрители сразу же поняли эту драму, подлинным ключом к которой является *Romancero general*. {Полное собрание романсов (исп.).} Он просил бы лиц, которых, быть может, возмутила эта драма, перечитать Сида, Дона Санчо, Никомеда, или, проще сказать, всего Корнеля и всего Мольера, наших великих и превосходных поэтов. Это чтение, — если только они приступят к нему с мыслью, что дарование автора Эрнани неизмеримо ниже, — может быть, сделает их более снисходительными к тем сторонам формы или содержания его драмы, которые могли покоробить их. Вообще же еще не настало, быть может, время судить об авторе. Эрнани — лишь первый камень здания, которое существует в законченном виде пока что лишь в голове автора, а между тем лишь совокупность его частей может сообщить некоторую ценность этой драме. Быть может, когда-нибудь одобрят пришедшую автору на ум фантазию приделать, подобно архитектору города Буржа, почти мавританскую дверь к своему готическому собору.

Пока же сделанное им очень незначительно, — он это знает. Если бы ему даны были время и силы довершить свое творение! Оно будет иметь цену лишь в том случае, если будет доведено до конца. Автор не принадлежит к числу тех поэтов-избранныков, которые могут, не опасаясь забвения, умереть или остановиться, прежде чем они закончат начатое ими; он не из тех, что остаются великими, даже не завершив своего произведения, — счастливцев, о которых можно сказать то, что сказал Вергилий о первых очертаниях будущего Карфагена:

...Pendent opera interrupta, minaeque

Murorum ingentes!

{Работы остаются незавершенными и не закончены зубцы стен (лат.) — Вергилий, «Энеида», IV, 88–89.)}

9 марта 1830 г.

Эрнани. Виктор Гюго

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Эрнани.

Дон Карлос.

Дон Руй Гомес де Сильва.

Донья Соль де Сильва.

Король Богемский.

Герцог Баварский.

Герцог Готский.

Герцог Люцельбургский.

Дон Санчо.

Дон Матиас.

Дон Рикардо.

Дон Гарсия Суарес.

Дон Франиско.

Дон Хуан де Аро.

Дон Педро Гусман де Аро.

Дон Хиль Тельес Хирон.

Донья Хосефа Дуарте.

Горец.

Якес, паж.

Дама.

1-й, 2-й, 3-й заговорщики.

Заговорщики Священной Лиги — немцы и испанцы;

горцы, вельможи, солдаты, пажи, народ.

Испания. — 1519.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ. КОРОЛЬ

Сарагоса

Спальня. Ночь. На столе горит лампа.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Донья Хосефа Дуарте, старуха, вся в черном, в юбке, обшитой стеклярусом по моде Изабеллы Католической, дон Карлос.

Донья Хосефа

(Одна. Задергивает темно-красные портьеры у окна и приводит в порядок сдвинутые кресла. В потайную дверь направо стучат. Она прислушивается. Стучат еще раз).

Как! Это он! Уже!

Новый стук.

За дверью потайной

Он ждет.

Стучат еще раз.

Скорей открыть!

(Открывает потайную дверцу.)

Входит дон Карлос. Лицо его скрыто плащом, шляпа надвинута до бровей.

Привет, красавец мой!

(Вводит его в комнату. Он распахивает плащ, под которым видна богатая одежда из шелка и бархата по кастильской моде 1519 года. Она заглядывает ему под шляпу и отшатывается в изумлении.)

Как! Не Эрнани вы? На помощь! Наважденье!

Пожар!

Дон Карлос

(хватая ее за руку)

Два слова лишь — и ты мертва, дуэнья!

(Пристально смотрит на нее. Она в ужасе замолкает.)

Ведь я у доньи Соль? Она, как говорят,
Невеста герцога Пастранья. Он богат.
Он дядя ей. Он стар. Но сердцу девы кроткой
Мил кто-то без усов и даже без бородки.
На зависть всем другим, у старца за спиной,
С возлюбленным она проводит час, другой.
Смотри. Я знаю все.

Она молчит. Он трясет ее за руку.

Ты отвечать готова?

Донья Хосефа

Вы запретили мне сказать хотя бы два слова.

Дон Карлос

Скажи лишь «да» или «нет» — мне надоально одно.

Ты служишь донье Соль?

Донья Хосефа

Да. Что же?

Дон Карлос

Все равно.

Старик в отсутствии? Скорей! Ты видишь, жду я...

Донья Хосефа

Да.

Дон Карлос

Молодого ждет она?

Донья Хосефа

Да.

Дон Карлос

Пусть умру я!

Донья Хосефа

Да.

Дон Карлос

И свиданье здесь, дуэнья, быть должно?

Донья Хосефа

Да.

Дон Карлос

Спрячь меня.

Донья Хосефа

Вас?

Дон Карлос

Да.

Донья Хосефа

Зачем?

Дон Карлос

Не все ль равно?

Донья Хосефа

Вас спрятать?

Дон Карлос

Здесь!

Донья Хосефа

Нет! Нет!

Дон Карлос

(вынимая из-за пояса кинжал и кошелек)

Извольте выбрать сами:

Кинжала лезвие — иль кошелек с деньгами.

Донья Хосефа

(берет кошелек)

Вы, видно, дьявол.

Дон Карлос

Да, дуэнья.

Донья Хосефа

(открывает узкий шкаф, вделанный в стену)

Вот сюда!

Дон Карлос

(осматривает шкаф)

Как, в ящик?

Донья Хосефа

(закрывая шкаф)

Хоть бы так. Ну что ж, согласны?

Дон Карлос

(открывая дверцу)

Да!

(Вновь осматривая шкаф)

Скажи, из этого почтенного сарая

Берешь ты помело, на шабаш улетая?

(С трудом протискивается в шкаф.)

Уф!

Донья Хосефа

(в ужасе всплескивая руками)

Здесь мужчина! О!

Дон Карлос

(в еще раскрытом шкафу)

Не женщину же тут

Ждет госпожа твоя!

Донья Хосефа

Мой бог! Сюда идут!

То донья Соль. Да, да! Сеньор, без промедления...

(Закрывает дверцу шкафа.)

Дон Карлос

(из глубины шкафа)

Лишь слово — и навек ты замолчишь, дуэнья!

Донья Хосефа

(одна)

Кто этот человек? Иисус! Что делать с ним?
 Лишь я и госпожа во всем дворце не спим.
 А, впрочем, что нам в том? Другой придет ведь тоже;
 Есть шпага у него, и небо нам поможет
 Уйти от дьявола.

(Взвешивая в руке кошелек)

Но этот все ж не вор!

*Входит донья Соль, вся в белом. Донья Хосефа прячет кошелек.***ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ***Донья Хосефа, дон Карлос, спрятанный, донья Соль, потом Эрнани.***Донья Соль**

Хосефа!

Донья Хосефа

Госпожа!

Донья Соль

Боюсь. До этих пор
 Эрнани медлит...

Шаги у потайной двери.

Он! Ах, ждать такая мука!
 Открой ему скорей, не дожидаясь стука.

Хосефа открывает дверцу. Входит Эрнани. На нем длинный плащ и большая шляпа; под плащом — одежда арагонского горца: серая ткань, кожаный панцирь, шпага, кинжал и рог за поясом.

Донья Соль

(бросается ему навстречу)

Эrnани!

Эrnани

Донья Соль! Опять я вижу вас;
И голос этот ваш, что говорит сейчас.
Жить вдалеке от вас — для сердца горше яда.
Чтоб всех других забыть, мне вас, о друг мой, надо!

Донья Соль

(трогает его одежду)

Ваш плащ совсем промок. Вы были под дождем?

Эrnани

Не знаю.

Донья Соль

До костей продрогли?

Эrnани

Что мне в том?

Донья Соль

Снимите же свой плащ.

Эrnани

Скажите, дорогая, —
Когда вы вечером ложитесь, засыпая,
Спокойной, чистою, и сон, сойдя на вас,
Касается перстом невинных уст и глаз, —
Вам ангел ничего не шепчет о несчастном,
Кого забыли все и кто вас любит страстно?

Донья Соль

Как запоздали вы, сеньор! Но, боже мой,
Дрожите вы...

Эрнани

Нет, я пылаю пред тобой.
Когда у нас в груди клокочет страсти пламя,
А сердце ширится и полнится громами,—
Что нам гроза небес под проливным дождем,
С которой сходят в дол и молнии и гром?

Донья Соль

(освобождая его от плаща)

Отдайте шпагу мне и плащ свой вместе с нею.

Эрнани

(кладя руку на эфес шпаги)

Нет! Не расстанусь я с подругою своею.
О донья Соль, старик, супруг грядущий ваш,
Не помешает нам?

Донья Соль

Час этот будет наш!

Эрнани

Я счастлив! Вправе все такой судьбой гордиться:
За взятый счастья час всей жизнью расплатиться.
Мой ангел! Что мне час? Чтоб с вами быть вдвоем,
И жизни мало мне и вечности потом!

Донья Соль

Эрнани!

Эрнани

(с горечью)

Счастлив я минутою случайной.

Как вор, дрожащий вор замок ломает тайный,
Так вынужден я красть, у старца за спиной,
Час песен и бесед и взор мгновенный твой.
Вот счаствие мое! А твой стариk лукавый,
Бросая мне лишь час, сам жизнь берет по праву.

Донья Соль

Эрнани!

(*Бросая плащ на руки дуэнье*)

Плащ возьми и влагу отряхни.

(*Садится и делает знак Эрнани занять место возле нее.*)

Садитесь!

Эрнани

(не слушая ее)

Старца нет, и в замке мы одни.

Донья Соль

(улыбаясь)

О, как прекрасны вы!

Эрнани

Одни!

Донья Соль

Моя отрада,

Не думайте о нем.

Эрнани

Мой ангел, горше ада
Мне мысль о старице. Он мужем будет вам,
И вы покорствовать должны его устам.
Не думать? Боже мой!

Донья Соль

И это вас волнует?

Как дядя, как отец, он в лоб меня целует.

Эрнани

Нет! Как возлюбленный, как муж, ревнивец злой!
Ведь ныне вашею владеет он судьбой.
Лишенный разума, растративший все силы,
На склоне старости, в предчувствии могилы,
Стремится он к любви и — призрак ледяной —
Вступает с девой в брак, безумец весь седой,
Когда он руку вам протягивает смело,
Уж смерть его рукой другою овладела.
И нашей смеет он препятствовать любви!..
Ложись, о старец, в гроб, могильщика зови!
Кто выдумал тот брак? Вас принуждают силой!

Донья Соль

Король, сказали мне.

Эрнани

Король! Отец мой милый
Казнен его отцом, лег под его топор,
Ах, пусть немало лет уже прошло с тех пор, —
Чтоб мертвому отомстить, его жене и сыну,
Я ненависть вовек от сердца не отрину.
Но мертвый в счет не идет. Ребенком клялся я,
Что сына за отца постигнет месть моя.
О Карлос, я тебя ищу, король Кастилий,
Мы двух семейств вражде начало положили.
Отцы вели вражду едва ль не тридцать лет,
Не зная жалости. И пусть теперь их нет,
Все же ненависть живет, не зная примиренья.
Остались сыновья — месть ищет продолженья.
Ах, это ты, король, задумал этот брак!
Тем лучше: счеты мы с тобой сведем, мой враг.

Донья Соль

Меня страшите вы.

Эрнани

Неся печать проклятья,
 Казалось бы, себя сам должен устрашать я.
 Стариk, которому вас в жены дать хотят,
 Де Сильва, дядя ваш, — он герцог, он богат,
 Он арагонский граф, он высший гранд Кастильи;
 И — юности взамен — вы столько б получили
 Парчи, и золота, и дорогих камней,
 Что затмевать могли б всю роскошь королей,
 А по рождению, богатству, чести, славе
 И с королевами равняться были б вправе, —
 Вот что вам предстоит. А я... я беден, наг,
 Мои владенья — лес, мой дом — глухой овраг.
 Но герб иметь и сам я мог бы знаменитый,
 Кровавой ржавчиной, как ныне, не покрытый,
 Высокие права на славу и почет,
 Что в складках траурных скрывает эшафот.
 Настанет день — права, врученные отвагой,
 Из ножен дедовских я выхвачу со шпагой.
 Пока же от небес принять мне суждено
 Лишь воздух, воду, свет — то, что и всем дано.
 Иль герцог, или я — другого нет исхода.
 Брак и неволя с ним — или со мной свобода!

Донья Соль

Пойду за вами я...

Эрнани

Скитаться по лесам,
 Средь тех, чьи имена известны палачам,
 Чей меч и чьи сердца не знают притупленья,
 Но в чьей крови живет одна лишь жажда мщенья.
 Жизнь средь изгнанников ужель вас не страшит?

Известно ведь, что я в глазах властей — бандит.
 В то время как меня Испания изгнала,
 В своих глухих лесах, в ущельях и провалах,
 Среди своих вершин, где лишь орлу летать,
 Мне Каталония явилась, словно мать.
 Средь горцев вырос я, свободных и суровых, —
 Три тысячи из них всегда прийти готовы
 На помочь мне, едва я затрублю в свой рог.
 Вам страшно? Знайте же, что впредь готовит рок:
 Со мною жить в лесах, средь диких скал скитаться
 С людьми, которые как чудища нам снятся,
 Все, все подозревать — глаза, шаги, лучи;
 Спать на сырой траве, пить из ручья; в ночи
 Вдруг слышать, первенца в руках своих качая,
 Как свищет у виска мушкета пуля злая;
 Быть изгнанной, как я, и, если час придет,
 Как я, вслед отцу, взойти на эшафот.

Донья Соль

Пойду за вами я.

Эрнани

Но герцог славен, знатен,
 На имени отца он не имеет пятен.
 Он может все. Вам даст он со своей рукой
 Богатства, титулы...

Донья Соль

Так завтра в путь ночной!
 Не возражайте, нет! Что герцог мне, зачем он?
 Эрнани, с вами я. Вы ангел мой иль демон,
 Не знаю... Я рабой везде за вами вслед
 Пойду, куда б ни шли. Останетесь иль нет —
 Я с вами. Почему? И спрашивать не буду.
 Я видеть вас хочу — опять, везде, повсюду, —
 И видеть вновь и вновь. Едва ваш шаг замрет —
 И сердце у меня свой замедляет ход.

Когда вас нет со мной, то я не существую;
Но лишь уловит слух ту поступь молодую,
Я вспоминаю вдруг, вся радостью дыша,
Что я живу, что мне возвращена душа.

Эрнани

(сжимая ее в объятиях)

Мой ангел!

Донья Соль

Завтра же, с людьми, вооруженным,
Я в полночь буду ждать вас под своим балконом.
Стучите трижды.

Эрнани

Но... вы поняли иль нет,
Кто я?

Донья Соль

Мне все равно. Иду за вами вслед.

Эрнани

Нет! Коль хотите вы идти со мною рядом,
Узнайте имя, род, укрытые нарядом
Эрнани, пастуха. Он тайну мне хранил.
Бандит вам по сердцу? Изгнанник будет мил!

Дон Карлос

(с шумом распахивая дверцу шкафа)

Я вижу, в болтовне вы опытны и ловки.
А мне легко ль сидеть в проклятой мышеловке?

Изумленный Эрнани отступает. Донья Соль с криком ищет убежища в его объятиях, устремив на дона Карлоса испуганный взор.

Эрнани

(кладя руку на эфес шпаги)

Кто этот человек?

Донья Соль

На помощь!

Эрнани

Подождем!

Молчите, донья Соль: ваш крик разбудит дом.
Когда я возле вас, души моей отрада,
Мне кажется, иной защиты вам не надо.

(*Дону Карлосу*)

Что делали вы здесь?

Дон Карлос

Я? Видно по всему,
Не мчался на коне сквозь грозовую тьму.

Эрнани

Кто, оскорбив других, смеется, тот невольно
Себе готовит смерть.

Дон Карлос

Ах, вот как? Нет, довольно!

Что притворяться нам? Вы влюблены — и вот
Вы здесь проводите все ночи напролет.
Ну что ж, влюблен и я. Мне хочется воочью
Узнать, кто к донье Соль влезал в окошко ночью,
Когда я у дверей страдал.

Эрнани

Чтоб кончить спор,
Вы там и выйдете, где я вошел, сеньор!

Дон Карлос

Посмотрим! Я и сам горю любовью страстной.
Не поделиться ль нам? У доныи Соль прекрасной
Так много доброты и нрав ее так тих,
Что сердца нежного ей хватит на двоих.
Свиданья жаждущий, душой летящий к раю,
Сюда я вместо вас был впущен, полагаю,
И, спрятанный в шкафу, все слышал — что скрывать?
Но было тесно мне и трудно там дышать.
К тому же весь измял я свой колет французский.
Я вышел вон...

Эрнани

Клинку вдруг стало в ножнах узко, —
Он тоже выйдет вон.

Дон Карлос

(отвешивая поклон)

Ну что ж, я принял роль.

Эрнани

(обнажая шпагу)

Вперед!

Дон Карлос тоже обнажает шпагу.

Донья Соль

(бросаясь между ними)

Эрнани! Ах!

Дон Карлос

Не бойтесь, доныя Соль.

Эрнани

(донау Карлосу)

Кто вы такой?

Дон Карлос

А вы? Скажите ваше имя.

Эрнани

То имя я храню меж тайнами моими,
Чтобы другой в свой час услышать сразу мог
Его — в своих ушах, а в сердце — мой клинок!

Дон Карлос

Но кто же тот, другой?

Эрнани

Другой? Не все ль равно вам?
Вперед! Скрестим клинки!

Скрецивают шпаги. Донья Соль, дрожа от страха, падает в кресло. Стук в дверь.

Донья Соль

(в ужасе поднимается)

Стучится кто-то снова.

Эрнани

(донье Хосефе)

Кто там?

Донья Хосефа

(донье Соль)

О госпожа! Кто ожидать бы мог?
То герцог, дядя ваш...

Донья Соль

(всплескивает руками)

Мой дядя! Видит бог,

Погибла я.

Донья Хосефа

(бросая взгляд вокруг)

Исус! Кто там еще? За шпаги
Взялись. Нет, не ждала такой я передряги...

Оба противника вкладывают шпаги в ножны. Дон Карлос заворачивается в плащ и опускает шляпу на глаза. Стучат.

Эрнани

Что делать?

Стучат.

Голос снаружи

Донья Соль, откройте мне!

Эрнани

Нет, нет!

Донья Хосефа

(доставая четки)

Святой Иаков! Ах! Избави нас от бед!

Стучат снова.

Эрнани

(показывая дону Карлосу на шкаф)

Укроемся!

Дон Карлос

В шкафу?

Эрнани

Ну да. Прошу покорно, —

Есть место для двоих.

Дон Карлос

Не слишком ли просторно?

Эрнани

(показывая на потайную дверь)

Бежим!

Дон Карлос

Прощайте! Я оставаться здесь хочу.

Эрнани

О гром и молния! За все вам отплачу!

(Донье Соль)

Что, если вход закрыть?

Дон Карлос

(донье Хосефе)

Откройте дверь! Ну что же?

Эрнани

Что он сказал?

Дон Карлос

(донье Хосефе, полной изумления)

Скорей. Откройте же!

Непрерывный стук.

Донья Хосефа, дрожа, открывает дверь.

Донья Соль

О боже!

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Te же и дон Руй Гомес де Сильва; у него белая борода, седые волосы, он весь в черном. Слуги с факелами.

Дон Руй Гомес

Мужчины в комнате племянницы моей!
И ночью! Вот предлог для шума и огней.

(*Донье Соль*)

Святой Хуан! Клянусь, в девическом покое
Нас трое в этот час. И лишних ровно двое.

(*Двум молодым людям*)

Зачем вы оба здесь, сеньоры, в поздний час?
Пока Бернард и Сид не покидали нас,
Они, Испании герои и Кастилий,
Умели старцев чтить и честь девиц хранили.
Им, сильным, был их меч не так тяжел, как вам
Плащи из бархата с узором по краям.
Седины стариков те люди чтили строго,
Просили для любви благословенья бога,
Предательство кляли и, то храня, что есть,
Умели отстоять наследственную честь.
И жен они себе без пятен выбирали
В наряде боевом, пред всеми, в шумном зале.
А что касается всех этих молодцов,
Предпочитают тьму для похождений грязных
И за спиной мужей ввергают жен в соблазны, —
Я убежден, что Сид столь дерзкий произвол
Примерно б наказал и подлостью бы счел;
И чтобы знали все, как обойтись с бродягой,
Попрал бы герб его, плашмя ударив шпагой.

Вот как бы поступил — о стыд души моей! —
Герой былых веков с героем наших дней!
Что надобно вам здесь? Пора бы вам признаться.
Что вы над стариком готовы издеваться,
Что юности смешон Саморы вождь седой!
Уж если б кто и мог смеяться надо мной,
То уж совсем не вы...

Эрнани

О герцог!

Дон Руй Гомес

Нет, ни слова!
Что нужно вам еще? Кинжал есть у любого,
Охоты, празднства, борзые, сокола,
Гитары, песнь любви, когда луна светла,
Береты с перьями, расшитые камзолы,
Пиры, езда верхом, смех юности веселый, —
А скука вас гнетет. Нужна вам каждый миг
Игрушка — ею стал для вас теперь старик.
Игрушка сломана, и все ж — клянусь я словом —
Сам бог обломками велит швырнуть в лицо вам!
За мной!

Эрнани

О герцог!

Дон Руй Гомес

Нет! Все следуйте за мной!
Сеньоры, видно, вам по сердцу смех такой.
Здесь есть сокровище — честь девушки невинной,
Честь женщины, и в ней честь всей семьи старинной.
Племянницу свою люблю я, и она
Сменить свое кольцо моим кольцом должна.
Она нежна, чиста, достойна уваженья.
И что ж! Едва на миг покину я владенья, —
Руй Гомес, герцог, граф де Сильва, — как уж вор

Бесчестит мой очаг, готовит мне позор.
Назад, бездушные! Ведь ваших рук касанье
Позорит наших жен!.. Я полн негодованья.
Скажите, чем еще прельщает вас мой дом?

(*Срывает с груди золотую цепь.*)

Глумитесь, хохоча, над Золотым руном!

(*Срывает шляпу.*)

Седины рвите мне и смейтесь надо мною,
Хвалитесь завтра же пред уличной толпою,
Что из насильников презренных ни один
Не осквернил еще нигде таких седин.

Донья Соль

О герцог!

Дон Руй Гомес

(*слугам*)

Все сюда! На помощь! Что ж вы стали?
Секиру мне, кинжал, клинок толедской стали!

(*Обоим юношам*)

За мной!

Дон Карлос

(*выступая вперед*)

О герцог, нас иные ждут дела.
Смерть императора от нас отзовала.
Максимилиана нет, правитель мертв германский.

Дон Руй Гомес

Смеетесь вы?

Дон Карлос отбрасывает плащ и открывает лицо, спрятанное под шляпой.

Король!

Донья Соль

Король!

Эрнани

(с горящими глазами)

Король испанский!

Дон Карлос

(с достоинством)

Да, Карлос я. А ты — о, как ты бледен стал!

(Дону Руй Гомесу)

Мой дед венчанный мертв. Едва лишь я узнал
О том, как тотчас же, не тряся ни мгновенья,
Я поспешил к тебе спросить совета, мненья,
В ночи, тайком от всех, чтоб знать никто не мог.
Так просто все, и нет причины для тревог.

Дон Руй Гомес знаком отсылает слуг. Он приближается к дону Карлосу. Донья Соль смотрит на короля со страхом и удивлением. Эрнани, держась в отдалении, не спускает с него сверкающих глаз.

Дон Руй Гомес

Зачем же сразу дверь мне не была открыта?

Дон Карлос

Зачем? Но ведь с тобой явилась эта свита.
Я тайных от тебя, мой граф, искал услуг
И делать не хотел их достояньем слуг.

Дон Руй Гомес

Простите, мой король... Ваш вид...

Дон Карлос

Исполнен веры,
Назначил я тебя правителем Фигеры.

Кого ж прикажешь мне поставить над тобой?

Дон Руй Гомес

Простите...

Дон Карлос

Хорошо, порыв прощаю твой.

Да, император мертв.

Дон Руй Гомес

Вы деда потеряли

Любимого...

Дон Карлос

О да, исполнен я печали.

Дон Руй Гомес

Преемник кто?

Дон Карлос

Франциск хотел бы стать им. Но

Саксонский герцог в спор уж с ним вступил давно.

Дон Руй Гомес

Где ж избиратели сойдутся для решенья?

Дон Карлос

Во Франкфурт съедутся, иль в Ахен, без сомненья.

Иль в Шпайер.

Дон Руй Гомес

Мой король! Мечтали ль вы когда

Об императорской короне?

Дон Карлос

О, всегда!

Дон Руй Гомес

За вами все права.

Дон Карлос

Я знаю.

Дон Руй Гомес

Ваш родитель

Великим герцогом австрийским был. Правитель
Империи, ваш дед, для вас оставил трон,
Когда пурпурный плащ сменил на саван он.

Дон Карлос

Я Гента гражданин.

Дон Руй Гомес

Когда я был моложе,
Я деда вашего не раз встречал. О боже,
Как быстро век прошел! Как пусто все кругом!
Все императорской дышало властью в нем.

Дон Карлос

Рим за меня!

Дон Руй Гомес

Был тверд, не зная дум тиранских,
И крепко голову нес на плечах германских.

(Преклонив колено, целует руку короля.)

Но как мне жалко вас! Так деда потерять!

Дон Карлос

А папа хочет взять Сицилию опять.
Сицилии нельзя имперским стать владеньем!
Чтоб он не обошел меня благословеньем,
Я возвращу ему Неаполь, а потом

Посмотрим, сладит ли он с царственным орлом!

Дон Руй Гомес

С какою радостью, став ветераном трона,
Ваш дед увидел бы, как к вам идет корона.
Он императором — все плачем мы над ним! —
Был христианнейшим, великим и простым.

Дон Карлос

Святой отец хитер. Сицилия? Пустое!
Подвесок, островок, забытый средь прибоя,
Лоскут, притянутый на ниточке живой
К Испании моей и все же ей чужой.
«Зачем, дражайший сын, вам остров тот горбатый?
Он на империи казался бы заплатой.
Чтоб он не портил вид — его мы отстрижем». —
«Пусть так, святой отец, но только дело в том,
Что из кусков таких, когда господь поможет,
Прибавлю я земли к империи, быть может,
Чтоб там, где у меня соседи вырвут клок,
Я этим островом дыру заштопать мог».

Дон Руй Гомес

Утешьтесь, государь! Ваш дед — в сelenьях рая,
Где он предстанет нам, весь святостью сияя,

Дон Карлос

Король Франциск упрям, лукав, честолюбив.
Максимилиана нет — и ждет он, устремив
Взор на империю. Чего он ищет страстно?
Иль мало для него и Франции прекрасной?
Сказал Людовику мой дед на склоне дней:
«Будь я сам бог-отец, имей двух сыновей,
Мой старший стал бы бог, меньшой — король
французский!»

(Герцогу)

Отважится ль Франциск пойти тропою узкой?

Дон Руй Гомес

Он многих побеждал.

Дон Карлос

Порядок здесь иной:

По булле, избранным не может быть чужой.

Дон Руй Гомес

Как сын Испании, вы тоже недостойны.

Дон Карлос

Я Гента гражданин!

Дон Руй Гомес

Как показали войны,

Король Франциск велик и мужествен в бою.

Дон Карлос

Я жду — орел слетит на голову мою

И крылья развернет!

Дон Руй Гомес

Латинских фраз убранство

Вам ведомо, король?

Дон Карлос

Не очень.

Дон Руй Гомес

Но дворянство

В Германии весьма заботится о нем.

Дон Карлос

Я обойдусь одним испанским языком.

Когда ведущий речь глядит вперед отважно,
Его наречие, поверь, не так уж важно.
Спешу во Фландрию! Мой друг, корона нам
Имперская нужна. Король французский сам
Стремится к ней. Но я опережу все сроки.
Итак, не медля — в путь!

Дон Руй Гомес

Но можно ль в путь далекий
Лететь, когда у нас в горах со всех сторон
Столь дерзостным кишит разбоем Арагон?

Дон Карлос

Я Аркосу велю рассеять эту банду.

Дон Руй Гомес

Велите заодно принять его команду
И атаману их...

Дон Карлос

Но кто же он такой?

Дон Руй Гомес

Не знаю. Говорят, умен и тверд душой.

Дон Карлос

Пустое! Рыщет он по галисийским скалам,
И справиться бы с ним я мог отрядом малым.

Дон Руй Гомес

Так ложен слух о том, что где-то близко он?

Дон Карлос

О да!.. Сегодня мне ты дашь приют.

Дон Руй Гомес

Польщен

И горд.

(Зовет слуг.)

Мой гость — король! Чтоб все готово было!

Входят слуги с факелами. Герцог приказывает им стать в два ряда до двери в глубине сцены. В это время донья Соль медленно подходит к Эрнани. Король следит за ними.

Донья Соль

(к Эрнани, тихо)

Так завтра, под окном и в полночь, о мой милый!

Сигнал — тройной удар.

Эрнани

(тихо)

Да, завтра.

Дон Карлос

(в сторону)

Завтра, да!

(Громко, донье Соль, к которой он с галантностью идет навстречу)

Сеньора, провожать готов я вас всегда.

(Доводит ее до двери.)

Донья Соль уходит.

Эрнани

(поднося руку к рукояти кинжала, спрятанного у него на груди)

О добрый мой клинок!

Дон Карлос

(возвращаясь, говорит сам с собой)

Он прежней полн отваги.

(*Отводит Эрнани в сторону.*)

Я оказал вам честь, коснувшись вашей шпаги.
Мне подозрительны, сеньор, ваш вид и речь.
Но я, король, хочу обманом пренебречь.
Спасайтесь. Вы моим неведеньем укрыты.

Дон Руй Гомес

(возвращаясь и указывая на Эрнани)

Кто это?

Дон Карлос

Спутник мой. Из королевской свиты.

Уходят в сопровождении слуг с факелами. Герцог со свечой в руке предшествует королю.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Эрнани

(один)

Из свиты короля? Ты прав. Да будет так!
Я стану день и ночь следить твой каждый шаг.
В руке зажав кинжал, пойду, как пес, по следу.
Мой род твой гонит род, предчувствуя победу.
К тому же ты теперь соперник мой. Лишь миг —
Любовь иль ненависть? — вопрос во мне возник,
Но с доньей Соль тебя вместить душа не может.
В любви забыл я гнев, который сердце гложет;
И если сам о нем напомнил ты — изволь,
Я буду помнить все, что нужно мне, король.
Мне к твердому пора переходить решенью.
Пусть на весах любовь даст перевес отмщенью.

Из свиты я твоей? Ты прав, властитель мой,
О, ни один слуга, хранящий твой покой,
Приспешник дворянин, угодливый придворный,
Бесстыдный льстец, лакей, до низости покорный,
Дворцовый верный пес, бредущий по пятам,
Не будет так служить, как я служил бы сам!
Что нужно от тебя дворянам двух Кастилий?
Чтоб дали титул им, гремушку нацепили,
Из золота овцу — благоволенья знак!
Мне мало этого, я не такой простак.
Нужна мне от тебя не эта честь пустая —
Нужны душа и плоть, вся кровь твоя живая,
Все то, что бешеный и мстительный кинжал,
Ворочаясь в груди, из глубины б достал.
Спеши! Я вслед пойду. Недаром голос мести
Мне шепчет на ухо: мы всюду будем вместе.
Иди! Я за тобой. Весь — зренье, слух, я сам
Скользжу, за шагом шаг, неслышно по пятам.
Ты на пирах своих, все вокруг окинув взглядом,
Узнаешь тень мою таинственную рядом,
А ночью, о король, раскрыв глаза, не раз
Увидишь над собой свет неотступных глаз.

(Уходит через потайную дверь.)

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ. РАЗБОЙНИК

Сарагоса

Двор перед домом Сильвы. Налево высокие стены дворца с окном, выходящим на балкон. Под окном дверца. Направо, в глубине, дома и улицы. Ночь. Окна в домах кое-где освещены.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Дон Карлос, дон Санчес де Суньига, граф де Монтерей, дон Матиас Сентурион, маркиз де Альмуньян, дон Рикардо де Рохас, граф де Касапальма. Дон Карлос идет впереди. Шляпы у них опущены на глаза. Все закутаны в длинные плащи, полы которых приподняты шпагами.

Дон Карлос

(разглядывая балкон)

Вот дверь, балкон... И мне уже покоя нет.

(Указывая на неосвещенное окно)

Там все еще темно.

(Поглядывает на другие, освещенные окна.)

Повсюду в окнах свет,

Где мне не нужен он; а где всего нужнее —

Там нет его!

Дон Санчо

Король, докончим о злодее.

И вы позволили ему уйти?

Дон Карлос

Что в том?

Дон Матиас

Он у разбойников был, верно, вожаком?

Дон Карлос

О, кто бы ни был он — их вождь иль подчиненный,—

Как будто сам король, стоял он непреклонный.

Дон Санчо

Зовут его?

Дон Карлос

(устремив взор на окно)

Фернан... Нет, «и» в конце стоит.

Дон Санчо

Эрнани?

Дон Карлос

Да.

Дон Санчо

То он!

Дон Матиас

Эрнани! И бандит

И вождь.

Дон Санчо

(королю)

Что говорил он, вихрем чувств объятый?

Дон Карлос

(не спуская глаз с окна)

Не знаю. Слушать мне мешал тот шкаф проклятый.

Дон Санчо

Зачем же он ушел, коль был в руках у вас?

Дон Карлос

(гордеиво оборачивается и смотрит ему в лицо)

Вы короля спросить осмелились сейчас?

Оба придворных молча отступают

К тому ж мечты мои в ином вращались круге:

Я думал не о нем, а о его подруге.
Я так в нее влюблен! Глаза ее — лучи;
Два зеркала, друзья; два факела в ночи.
Из повести любви я слышал два-три слова:
«Я жду вас завтра, в час безмолвия ночного».
Но это — главное. Я прямо восхищен!
Когда разбойник сам, земной презрев закон,
Грабительствует здесь, как то вошло в привычку,
Бесшумно из гнезда я похищаю птичку.

Дон Рикардо

Вам следует, король, чтоб дело завершить,
Голубку взять себе, а коршуна убить.

Дон Карлос

(*донау Рикардо*)

Совет достойный, граф. Но много ль вы хотите?

Дон Рикардо

(отвечает глубокий поклон)

Когда я граф уже, что мне еще дадите?

Дон Санчо

(живо)

То шутка.

Дон Рикардо

(*донау Санчо*)

Графом был я назван.

Дон Карлос

(*донау Санчо*)

Вы опять!

(*Донау Рикардо*)

Да! Титул к вам упал. Вы можете поднять.

Дон Рикардо

(кланяясь снова)

Благодарю.

Дон Санчо

(дому *Матиасу*)

Ах, граф! Поистине нежданный...

Король прогуливается в глубине, с нетерпением посматривая на освещенные стекла. Оба придворных беседуют на авансцене.

Дон Матиас

(дому *Санчо*)

Что сделает король с голубкою желанной?

Дон Санчо

(недоброжелательно взглянув на *дона Матиаса*)

Графини титул даст, украсит ею двор;

И будет сын ее — король.

Дон Матиас

С каких же пор

Побочный сын — король? Мой милый граф, доныне

Не знал я королей, рожденных от графини.

Дон Санчо

Но будет ей тогда маркизы титул дан.

Дон Матиас

Побочных сыновей хранят для чуждых стран —

Как вице-королей. И в том их назначенье.

Дон Карлос выходит на авансцену.

Дон Карлос

(бросая гневный взгляд на все освещенные окна)

Глядят, как будто мы внушаем подозренье.
О, наконец-то два погасли! В добрый час.
Как время тянется мучительно для нас!
Когда бы шло оно поспешными шагами!

Дон Санчо

Вот так мы ждем всегда пред вашими дверями.

Дон Карлос

И так томить народ у вас заведено.
Последнее освещенное окно гаснет.
Погас последний свет.

(Поворачивается к балкону доны Соль, все еще погруженному во мрак.)

Проклятое окно!
Когда же вспыхнешь ты? Ведь все покрыто тьмою.
О доны Соль, явись сияющей звездою!

(Дону Рикардо)

Уж полночь.

Дон Рикардо

Полночь, да.

Дон Карлос

Нам надобно спешить.
Другой уже идет; он близко, может быть.
Окно доны Соль освещается. Видно, как тень проходит по озаренным окнам.
Эй, факел мне, друзья! В окошке вижу тень я.
О, никогда я так не ждал зари рожденья!
Пора. Дадим сигнал, который ждет она:
Тройной удар рукой. Сейчас вы у окна
Увидите ее. Но сберище такое
Внушить ей может страх. Уйдите в тень все трое,

Следите за другим. Влюбленных мы, друзья,
Разделим. Вам — бандит, мне — дама. Речь моя
Ясна?

Дон Рикардо

О да.

Дон Карлос

Коль он придет, вы из засады
Кольните шпагою в начале серенады.
Пока очнется он, вздыхая глубоко,
Я даму унесу, мы будем далеко.
Щадите жизнь его. Он юноша отважный.
К тому ж убийство — грех, и грех, конечно, важный.

Оба сеньора, кланяясь, уходят. Дон Карлос смотрит им вслед; затем ударяет в ладоши, выдерживая паузы. При втором ударе окно растворяется, и донья Соль, в белом, выходит на балкон.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Дон Карлос, донья Соль.

Донья Соль

(на балконе)

Эрнани, это вы?

Дон Карлос

(в сторону)

О дьявол! Буду нем.

(Снова ударяет в ладоши.)

Донья Соль

Сейчас.

(Закрывает окно, свет гаснет; немного погодя открывается дверца, и со светильником в руке появляется донья Соль. На ее плечах плащ.)

Эрнани!

Дон Карлос надвигает шляпу на глаза и быстро направляется к ней. Донья Сольроняет светильник.

Нет, и шаг не тот совсем.

(Хочет уйти обратно. Дон Карлос, подбежав, хватает ее за руку.)

Дон Карлос

О донья Соль!

Донья Соль

Чужой и голос. О несчастье!

Дон Карлос

Где голос ты найдешь, такой согретый страстью?
Влюбленный пред тобой. Влюбленный — и король.

Донья Соль

Король!

Дон Карлос

Тебе весь мир отдам я, донья Соль!
Не отвергай меня; ведь я, в любви безмерной,
Король, правитель твой, и Карлос — раб твой верный.

Донья Соль

(пытаясь вырваться из его объятий)

Эрнани! Помоги!

Дон Карлос

Забудь напрасный страх.
Не у бандита ты, у короля в руках.

Донья Соль

Разбойник — это вы: подобны вы злодею.
Ах, я за вас сейчас, о государь, краснею,
Так это — подвигов бессмертные лучи:
Похитить женщину насилием в夜里?
Он лучше во сто крат. Когда б по божьей воле
Здесь по достоинству распределялись роли,
Иначе бы судьба сплетала свой узор:
Эрнани был бы принц, а вы, король мой, — вор.

Дон Карлос

(пытаясь ее обнять)

Сеньора!

Донья Соль

Мой отец был графом, вы забыли.

Дон Карлос

Я дам вам герцогство.

Донья Соль

(отталкивая его)

Когда б скромней вы были!

(Отступая)

Что может общего, дон Карлос, быть у нас?
Отец мой проливал нередко кровь за вас,
И стать любовницей с той кровью чистой, алой
Нельзя мне; а ее для королевы — мало.

Дон Карлос

Принцесса!..

Донья Соль

О король! Несите тем, чей род

Уже лишен всего, и пыл свой и почет,
Меня ж вы не должны преследовать упрямо.
Не только женщина для вас я, но и дама.

Дон Карлос

Делите имя, трон со мною много лет;
Супругой будьте мне, императрицей...

Донья Соль

Нет!
Меня не соблазнить. Скажу вам без обмана

(*Пришлось бы все узнать вам поздно или рано*) —

Люблю Эрнани я. Что почести и трон?
Жизнь кочевую с ним, грозящий нам закон,
И голод, и нужду, и долгие скитанья,
Опасность что ни шаг, лишения, страданья,
Изгнание, войну, тревогу нищих дней
Не отдала бы я за пурпур королей.

Дон Карлос

О, как он счастлив!

Донья Соль

Он? Бедняк, беглец гонимый!

Дон Карлос

Беглец и нищий — да, но вами столь любимый!
Я одинок. А он — с ним ангел каждый час.
Вам ненавистен я?

Донья Соль

Да, не люблю я вас.

Дон Карлос

(*грубо хватает ее*)

Прекрасно. Любите иль нет — мне безразлично.
 Идем. Принудить вас сумею я отлично.
 Идем. Я так хочу. Иль даром, наконец,
 Ношу я Индии, Испании венец?

Донья Соль

(отбиваясь)

О, сжальтесь же, сеньор! Вы так велики ныне,
 Вы наш король; и вам маркизы, герцогини
 Готовы всем служить. Среди придворных дам
 Захочет каждая любовь доверить вам.
 Удел же беглеца — гоненья и насилие.
 У вас есть Арагон, Наварра и Кастилья,
 Леон и Мурсия с десятком областей,
 Вся Фландрия, весь мир индийский средь морей.
 Дерзнуть на вас — никто отваги не находит.
 Средь стран, подвластных вам, и солнце не заходит.
 Так неужель у вас поднимется рука
 Отнять последнее, что есть, у бедняка?

(Падает на колени; он пытается увлечь ее за собой.)

Дон Карлос

Идем, идем со мной одной дорогой в мире.
 Из всех Испаний ты — их у меня четыре —
 Что хочешь, выбирай!
 Она пытается вырваться из его объятий.

Донья Соль

Чтоб этот смыть позор,
 Одно у вас хочу я взять: кинжал, сеньор!

(Выхватывает из-за пояса кинжал. Он отпускает ее и отшатывается.)

Приблизьтесь! Хоть на шаг!

Дон Карлос

Так вот вы как? Прекрасно!

Недаром любите мятежника вы страстно.

(Хочет сделать шаг; она заносит кинжал.)

Донья Соль

Сначала вас убью, потом себя.

(Он снова отступает. Она оборачивается.)

Сюда,
Эрнани!

Дон Карлос

Замолчи!

Донья Соль

(с поднятым кинжалом)

Рука моя тверда.

Дон Карлос

Сеньора, не снесу упрямство я такое.
Чтобы заставить вас, со мной еще здесь трое.

Эрнани

(внезапно появляясь за его спиной)

Забыли одного!

Король оборачивается и видит Эрнани, стоящего за ним в тени, со скрещенными руками под длинным плащом, в широкополой шляпе, не скрывающей лица. Донья Соль вскрикивает, бежит к Эрнани и заключает его в объятия.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Дон Карлос, донья Соль, Эрнани.

Эрнани

(недвижный, со скрещенными руками, устремив на короля сверкающий взор)

Хотел бы, — знает бог, —
Увидеть я его не здесь, у ваших ног.

Донья Соль

Спасите от него!

Эрнани

Не бойтесь, дорогая,
Я здесь.

Дон Карлос

Но где ж друзья? Где стражи городской?
Пустить разбойника, врага страны моей!

(Зовет)

Сеньоры, где вы?

Эрнани

Где? В руках моих друзей.
Чем могут вам помочь бессильные три шпаги?
На трех — нас шестьдесят, исполненных отваги,
И всех вас четырех один заменит мой.
Так лучше спор вдвоем нам кончить меж собой.
Вы эту девушку насилино взять решили,
Неосторожны вы, сеньор, король Кастилий,
И подлы!

Дон Карлос

(презрительно улыбаясь)

Слушайте, не вам, сеньор бандит,
Учить меня!

Эрнани

Ого! Какой сердитый вид!
Я не король, но я, услышав оскорбленье,

От гнева вровень с ним расту в одно мгновенье,
И краска на моем челе тогда страшней,
Чем перья и гербы на шлемах королей.
Напрасно вас сейчас надежда обольщает,

(Хватает его за руку.)

Да знаете ли вы, кто руку вам сжимает?
Отец ваш моего казнил былой порой.
Я ненавижу вас — вы взяли титул мой!
Я ненавижу вас — одну мы любим оба!
Я ненавижу вас, я вас кляну до гроба!

Дон Карлос

Прекрасно.

Эрнани

Но сейчас моя умолкла месть.
В душе один порыв, одно желанье есть —
То доныя Соль. Ее одну ищу — и что же?
На похищение здесь наглое похоже!
Я здесь увидел вас. Вы на моем пути.
Опасней вам, сеньор, минуты не найти.
Дон Карлос, схвачен ты — и в собственной засаде.
Где помощь? Как бежать? Ты здесь, в моей ограде,
Один, — и выходы врагами заперты.
Что делать?

Дон Карлос

(надменно)

Спрашивать меня дерзаешь ты?

Эрнани

Ну что ж, я не хочу быть мстителем безвестным!
Да завершится месть ударом смелым, честным.
И жизнь свою лишь мне ты одному отдашь.
Готовься!

(Выхватывает шпагу.)

Дон Карлос

Я король, я повелитель ваш.
Удар, но не дуэль.

Эрнани

Сеньор, вот это славно!
Забыл ты, что клинки скрестили мы недавно?

Дон Карлос

Вы правы. Я тогда не знал, как вас зовут;
Не знали вы, кто я. Теперь — напрасный труд.
Вы знаете меня, я — вас, и превосходно.

Эрнани

Допустим.

Дон Карлос

Не дуэль. Разите, коль угодно.

Эрнани

Нет, имя короля меня не бросит в дрожь.
Готов к защите ты?

Дон Карлос

Ну убивайте. Что ж?
Иль думаете вы, разбойничьи отряды,
Что можно в городах вам грабить без пощады?

Эрнани отшатывается. Дон Карлос устремляет на него орлиный взгляд.

Что вас, отмеченных убийством, грабежом,
Мы честными людьми отныне назовем?
Что, жертвы низости, по вызову отваги
Клинки мы освятим ударом нашей шпаги?
Нет! Вы преступники, и кровь вас всех гнетет.
Дуэль вам не к лицу. Убейте так... Вперед!

Эрнани в мрачной задумчивости трогает эфес своей шпаги, потом внезапно оборачивается к королю и ломает клинок о камень.

Эрнани

Иди!

Король, вполоборота к нему, бросает на него надменный взгляд.

Ждет встреча нас когда-нибудь другая.

Иди!

Дон Карлос

Что ж! Возвращусь, минуты не теряя,
Законный ваш король, я в герцогский дворец
И правосудию отдам вас наконец.
Вы вне закона?

Эрнани

Да.

Дон Карлос

Я так и знал. Прекрасно.
Отныне вы мне враг, мятежный и опасный.
Предупреждаю: вас не пощадит закон;
Я в черный список вас внесу.

Эрнани

Я уж внесен

Давно.

Дон Карлос

Прекрасно!

Эрнани

Я уйду из стран испанских
Во Францию.

Дон Карлос

Но я — с короною германской —
Империи врагом сочту вас.

Эрнани

Что мне в том?
Мир остальной широк, и я свободен в нем.
Есть много мест, где ты достать меня не в силах.

Дон Карлос

Мир будет весь моим...

Эрнани

Тогда исход — могила.

Дон Карлос

Мятеж я раздавлю — и мне не страшен враг.

Эрнани

Хромает часто месть; у ней неспешный шаг,
Но все ж она идет.

Дон Карлос

(с презрительной усмешкой)

Ну и красотка! Счастье
Разбойник ей сулит!

Эрнани

(с вновь загоревшимся взором)

В моей ты все же власти!
О кесарь будущий, сейчас ты слаб и хил, —
Зачем напоминать, что я тебя схватил,
Что стоит только мне зажать кулак свой дерзкий,
Чтоб был убит в яйце и твой орел имперский?

Дон Карлос

Попробуй.

Эрнани

Уходи!

(Снимает плащ и набрасывает его на плечи короля.)

Беги в плаще моем;
Иначе, я боюсь, тебя пырнут ножом.
Король заворачивается в плащ.
Спокойно уходи. Я отложил отмщенье.
В других, но не во мне найдешь ты уваженье.

Дон Карлос

Так говорить со мной посмели вы, сеньор,
Что не дождаться вам пощады с этих пор!

(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Эрнани, донья Соль.

Донья Соль

(берет Эрнани за руку)

Теперь бежим скорей!

Эрнани

(ласково ее отстраняя)

Вам надобно, подруга,
В несчастии его покрепче верить в друга
И не идти назад, а быть во всем сродни
Душе его и с ней сплетать до смерти дни, —
Вот мысль, достойная того, кто чист душою.
Но, видит бог, чтоб жить мне радостью такою,
Чтоб унести, сокрыть в пещере средь ветвей

Красу, которая пленяет королей,
Чтоб доныя Соль ушла со мной, была моею,
Чтоб взять у ней всю жизнь, свою судьбу слить с нею,
Безжалостно увлечь на путь нужды, забот, —
Нет больше времени. Уж близок эшафот!

Донья Соль

Что слышу я?

Эрнани

Король, принявший оскорбленье,
Сейчас придет платить мне карой за прощенье.
Он во дворце уже; сейчас он, о мой друг,
Зовет приспешников, собирает стражу, слуг,
Придворных, палачей...

Донья Соль

Эрнани! В этом месте
Нельзя вам больше быть. Бежим скорее вместе!

Эрнани

Как, вместе? Никогда! Бежать уж поздно нам.
О доныя Соль! Когда предстала ты очам —
Вся счастье, доброта и вся любви сиянье, —
Я мог еще тебе, бедняк, чья жизнь — изгнанье,
Дать горы, лес, ручьи и разделить с тобой
Свой хлеб изгнанника, приют убогий свой —
Из молодого мха и свежих веток ложе...
Но страшный эшафот делить с тобой! О боже!
Он — мне лишь одному.

Донья Соль

Но вместе быть всегда
Вы обещали мне.

Эрнани

(падая на колени)

Мой ангел! В час, когда
К нам смерть уже идет и близится упорно
Развязка мрачная судьбы, такой же черной, —
Рожденный в горести бедняк, чья колыбель —
В крови, кто светлых дней еще не знал досель,
Чья жизнь — глухая ночь, я сам в минуты эти
Скажу, что никого счастливей нет на свете,
Затем, что вами я любим, что жребий мой,
Презренный, проклятый, почтили вы слезой.

Донья Соль

(склоняясь к нему)

Эрнани!

Эрнани

Мой удел благословен отныне;
Он мне явил цветок над пропастью в стремнине.

(Поднимается.)

Не только вам одной сказал все это я, —
Внимает в небе мне предвечный судия.

Донья Соль

Возьми меня с собой.

Эрнани

Но это преступленье —
Сорвав цветок, увлечь его с собой в паденье.
Я им дышал хоть миг — и счастлив был судьбой.
Другому жизнь отдай, надломленную мной.
Будь старику женой. Не льщусь мечтой ревнивой.
Я возвращаюсь в ночь. Забудь — и стань счастливой.

Донья Соль

Нет, я пойду с тобой — среди лесов, стремнин
Делить твою судьбу.

Эрнани

(сжимая ее в объятиях)

Пусть я уйду один.

(Судорожным движением вырывается из ее объятий.)

Донья Соль

(горестно всплескивая руками)

Эрнани, ты бежишь? О, горе одинокой!
Отдать всю жизнь — и быть отвергнутой жестоко
И после всей любви и горести такой
Блаженства не иметь хоть умереть с тобой!

Эрнани

Я изгнан, осужден! Я обречен судьбою...

Донья Соль

Как бессердечны вы!

Эрнани

(возвращаясь)

Я остаюсь с тобою.
Ты хочешь этого? Я здесь. Иди сюда!
Я остаюсь с тобой — надолго, навсегда.
Забудем все.

(Садится на каменную скамью.)

Присядь на этот камень белый.
Слепят меня очей твоих горящих стрелы.
О, спой мне песенку, что пела ты порой,
Когда твой черный взгляд в ночи сверкал слезой!
Мы будем счастливы. Полна до края чаша.
Забудем все вокруг; минута эта — наша.
О, говори, мой друг! Ведь так приятно нам
Любить и всей душой внимать любви словам —

Вдвоем, вдали от всех. Какое обаянье —
В безмолвии ночном внимать любви признанья!
Здесь, на твоей груди, я так забыться рад...
О счастье! О любовь, о донья Соль!
Звон дальних колоколов.

Донья Соль

(в ужасе встает)

Набат!
Ты слышишь? Там набат!

Эрнани

(все еще на коленях)

Как! Он тебя тревожит?
То свадьбы нашей звон.

Колокольный звон усиливается. Смутный гул; факелы и свечи во всех окнах, на всех крышах, во всех улицах.

Донья Соль

Вставай, беги! О боже!
Вся Сарагоса здесь!

Эрнани

(слегка приподнимаясь)

То факелы в честь нас.

Донья Соль

То свадьба средь могил. То свадьба в смертный час.
Лязг оружия, крики.

Эрнани

(садясь на каменную скамью)

Заснем.

Горец

(вбегая со шпагой в руке)

Сеньор! Сеньор! Там сбiry и алькады.
Во весь опор летят на площадь кавалькады.
Спасайтесь, господин!

Эрнани встает.

Донья Соль

(бледнея)

О да, беги во тьму!

Горец

На помощь!

Эрнани

(горцу)

Я готов. Прекрасно.
Глухие голоса за сценой
Смерть ему!

Эрнани

(горцу)

Дай шпагу!

(Донье Соль)

Ну, прощай.

Донья Соль

Ах, я всему виною!
Куда же ты?

(Показывая на дверцу)

Идем. Я здесь тебя укрою.

Эрнани

Как! А мои друзья?
Шум и крики.

Донья Соль

Любимый! Жизнь моя!
Мне страшно.

(Удергивая Эрнани)

Коль умрешь, умру с тобой и я.

Эрнани

(держа ее в объятиях)

Дай поцелуй.

Донья Соль

Мой муж! Эрнани мой! О боже!

Эрнани

(целует ее в лоб)

Наш первый поцелуй.

Донья Соль

Последний он, быть может.
Он убегает. Она опускается на скамью.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ. СТАРИК

Замок де Сильвы в горах Арагона

Фамильная портретная галерея. Большой зал, украшенный портретами в пышных рамках, с герцогскими коронами и позолоченными гербами. В глубине высокая готическая дверь. Между портретами набор оружия разных веков.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Донья Соль, в белом, стоит у стола, дон Руй Гомес де Сильва сидит в высоком герцогском кресле, сделанном из дуба.

Дон Руй Гомес

Сегодня, наконец! Сегодня, в час ночной,
Не дядя я, а муж, о герцогиня, твой.
Ведь я прощен? Я был неправ перед тобою;
Я заставлял тебя бледнеть, краснеть порою;
Я слишком был ревнив и на сужденья скор, —
Ведь опровергнуть ты могла мой приговор.
О, как обманчив глаз! Как мы несправедливы!
Пускай я видел сам тех юношей счастливых, —
Что в том? Не должен был я верить и глазам.
Но что поделаешь? Уж слишком стар я сам.

Донья Соль

(спокойно и надменно)

Оставьте! Вам никто не делает упрека.

Дон Руй Гомес

Нет, все же я неправ. С такой душой высокой
Измены не таят. Я знаю, донья Соль,
Что в жилах у тебя испанской крови соль.

Донья Соль

О да, та кровь всегда чиста и благородна:
Все убеждатся в том.

Дон Руй Гомес

(встает и подходит к ней)

Послушай. Не свободна
Душа моя, когда в тебя я так влюблен
На склоне дней. Я зол, ревнив — таков закон,
И красота в других и юности цветенье
Мне причиняют страх, внушают подозренье.
Завидуя другим, я сам стыжусь порой.

Судьба — насмешница: в любви, уже седой,
 Но жгущей сердце нам столь пламенно и смело,
 Наш дух и юн и свеж, хотя бессильно тело.
 Пред юным пастухом, — покуда мы идем,
 Он с песней звонкою, я с сумрачным челом,
 Он в зелени лугов, я в темном старом парке, —
 Я говорю себе: о, что все башни, арки
 Владений герцогских? Я б тотчас отдал их,
 Как и свои поля с дубами рощ густых,
 Свои стада овец, бредущие в долины,
 Свой титул, древний род и все свои руины,
 Всех предков доблестных из рода моего —
 За домик пастуха, за молодость его.
 Он в смоляных кудрях, и взор его так ясен,
 Похож на твой; и ты сказала б: «Он прекрасен».
 Что думать обо мне? Я стар уж — что скрывать!
 Хотя и Сильва я, чем стал бы я пленять?
 Все это ясно мне. Вот видишь, как люблю я!
 Весь мир я отдал бы за молодость такую.
 Напрасные мечты! Мне — свежесть юных сил?
 Нет, раньше я, чем ты, приду в страну могил.

Донья Соль

Кто знает?..

Дон Руй Гомес

И поверь — все эти кавалеры
 Являют не любовь, не сердце, а манеры.
 Полюбит девушка такого всей душой, —
 Ей — смерть, ему же смех. Их пестрокрылый рой
 Напоминает птиц окраской, воркованьем,
 Любовью, как перо, подверженной линяньям.
 Пускай у стариков сил меньше, взор темнеет, —
 Надежней их крыло и лучше, хоть тускнеет.
 Мы любим преданно. Что тяжкий шаг, седины?
 Чело изрыто, но на сердце нет морщины.
 Но коль старик влюблен, щади его любовь!

У сердца нет седин, и в нем живая кровь.
 О нет, любовь моя не искрится, играя,
 Как бусы из стекла, — в ней сила есть иная:
 Отцовство, дружба, честь; и сам я тверд душой,
 Как кресел дедовских тяжелый дуб резной.
 Я так тебя люблю! Душой, к тебе летящей,
 Люблю, как любят день, на небо восходящий,
 Как любят нежность роз, как любят звезд чертог.
 С тобою быть все дни, ловить след милых ног,
 Узреть чело твое и взгляда совершенство —
 Вот счастье для меня, вот вечное блаженство!

Донья Соль

Увы!

Дон Руй Гомес

К тому же мир обычай чтит такой:
 Оканчивая жизнь, старик полуживой,
 Уже склонившийся над мрамором могилы,
 С невинным ангелом, с голубкой сизокрылой,
 Остаток делит дней, и бодрствует она
 Над жалкой старостью, что в ночь идти должна.
 Вот благородный долг, вот дело высшей чести,
 Прямой порыв, когда, живя со старцем вместе,
 Шлешь утешение ему на склоне дней,
 Быть может, без любви, но всей душой своей.
 О, будь мне ангелом с душою девы нежной,
 Чтоб я, старик, свой пыл, отныне безнадежный,
 Остаток жалких дней мог разделить с тобой —
 Как с нежной дочерью, как с любящей сестрой.

Донья Соль

Не знаю, кто из нас скорей придет к могиле,
 Сеньор; и не всегда, покорны юной силе,
 Мы жить хотим. Увы! Так часто говорят:
 Здесь медлят старики, а юные спешат.
 И угасает взор, глубокой тьмой покрытый,

Как темный ров могил, что придавили плиты.

Дон Руй Гомес

О мысли мрачные! К чему на сердце тень,
Дитя, в такой святой, такой веселый день?
Но время все течет. Мы говорим час целый,
А вам уже пора одеться для капеллы.
Скорей! Где ваш убор? Теряю счет часам.
Где свадебный наряд?

Донья Соль

Что торопиться нам?

Дон Руй Гомес

Пора!

Входит паж.

Что скажешь, паж?

Паж

Сеньор, стучит в ворота
Какой-то пилигрим, иль нищий, или кто-то
Другой, прося впустить.

Дон Руй Гомес

О, кто бы ни был он,
Приносит счастье гость, от бури огражден.
Впустить его! Скажи, что нового на свете?
Где вождь разбойников, занявший чащи эти,
Наполнивший страну столь дерзким мятежом?

Паж

Эрнани? С тем, кого зовем мы горным львом,
Покончено!

Донья Соль

(*в сторону*)

Мой бог!

Дон Руй Гомес

(*пажу*)

Как?

Паж

Одержал победу

Король. За ним сейчас он сам спешит по следу.

Оценен в тысячу эскудо он; и я

Уверен — он убит.

Донья Соль

(*в сторону*)

Он умер без меня,

Эрнани!..

Дон Руй Гомес

Умер он? О дева пресвятая!

Отныне счастье к нам приходит, дорогая.

Где светлый ваш убор? Как счастлив я, как рад!

Двойное празднество.

Донья Соль

(*в сторону*)

О траурный наряд!

(*Уходит.*)

Дон Руй Гомес

(*пажу*)

Снеси ей мой ларец, мой дар души влюбленной.

(*Вновь опускается в свое кресло.*)

Пускай нарядною предстанет, как мадонна,

Чтоб спорил взор ее с убором дорогим
И чтоб в восторге пал пред нею пилигрим...
Там кстати ждет один, войти сюда не смея, —
Вели его впустить, проси сюда скорее!

Паж кланяется и уходит.

Заставить гостя ждать — нехорошо.

Дверь в глубине открывается. Входит Эрнани, переодетый пилигримом. Герцог встает и идет ему навстречу.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Эрнани останавливается на пороге.

Дон Руй Гомес

Сеньор...

Эрнани

Мир дому вашему!

Дон Руй Гомес

(делая приветственный жест)

Ты гость мой с этих пор.

Привет!

Эрнани входит. Герцог садится.

Ты пилигрим?

Эрнани

(кланяясь)

Да.

Дон Руй Гомес

Шел ты, без сомненья,
Через Армильяс?

Эрнани

Нет, не в этом направленье.
Там бой кипит сейчас.

Дон Руй Гомес

С мятежниками бой,
Не правда ль?

Эрнани

Может быть.

Дон Руй Гомес

Эрнани, их герой...
Что стало с ним, тебе известно?

Эрнани

Нет. Он кто же?

Дон Руй Гомес

Его не знаешь ты? Тем хуже. Не похоже,
Чтоб ты награду взял. Эрнани — это тот
Мятежник, чья вина давно возмездья ждет.
В Мадриде будет он, увидишь сам, качаться.

Эрнани

Я не туда.

Дон Руй Гомес

А он мог каждому достаться.

Эрнани

(в сторону)

Посмотрим.

Дон Руй Гомес

Но куда ты держишь путь?

Эрнани

Сеньор,
Я в Сарагосу путь держу.

Дон Руй Гомес

В святой собор?
Иль по обету в храм к мадонне?

Эрнани

Да, к мадонне.

Дон Руй Гомес

Пиларской?

Эрнани

Да.

Дон Руй Гомес

Кого такой обет не тронет?..
Обещанное мы должны отдать святым.
А после занят ты намереньем каким?
Увидеть трон ее — вот все твои желанья?

Эрнани

Да, видеть я хочу священных свеч пыланье,
Мадонну, в глубине, под сводами колонн,
Ее златой венец, ее слепящий трон,
А после я вернусь.

Дон Руй Гомес

Скажи мне имя, званье...
Я — Руй де Сильва.

Эрнани

(колеблясь)

Но...

Дон Руй Гомес

Ну что ж, храни молчанье,
Коль хочешь. Здесь никто не спросит, как зовут.
Ночлега ищешь ты?

Эрнани

Да, герцог.

Дон Руй Гомес

Будь же тут
Как дома. Мир с тобой. Не должен ты смущаться.
А что до имени, то «гостем» будешь зваться.
О, кто бы ни был ты, переступи порог:
И дьявол — гость, когда его нам шлет сам бог.

В глубине распахивается двустворчатая дверь. Входит доныня Соль в свадебном наряде. Сзади нее пажи, слуги; две прислужницы несут на бархатной подушке серебряный чеканный ларец, и ставят его на стол. В ларце — драгоценности: герцогская корона, браслеты, жемчуг вперемежку с бриллиантами. Эрнани, пораженный, почти задыхаясь, смотрит горящими глазами на доную Соль, не слушая, что говорит герцог.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Те же, доныя Соль, пажи, слуги и прислужницы.

Дон Руй Гомес

(продолжая)

Моя мадонна здесь. Склонись в мольбе пред нею —
И счастье обретешь.

(Предлагает руку донье Соль, по-прежнему бледной и задумчивой.)

О нежный друг, скорее
Идем! Но где ж кольцо, венок цветов живых?..

Эrnани

(громовым голосом)

Кто тысячу монет взять хочет золотых?

Все в изумлении оборачиваются. Он разрывает балахон пилигрима, бросает его к ногам и предстает перед всеми в наряде горца.

Эrnани я!

Доњья Соль

(в сторону, радостно)

Он жив!

Эrnани

(слугам)

Я тот, кого повсюду
Вы ищете...

(Герцогу)

А вы уж думали, что буду
Я Даего звать себя? Эrnани — имя мне!
Изгнаник я — и нет почетнее в стране
Другого имени. Вот голова, какою
Вам можно оплатить свой пир. Я много стою!

(Слугам)

Я вам ее дарю. Для вас — богатство в ней.
Вяжите руки мне, вяжите поскорей. —
Иль нет, — к чему? — меня уж вяжет цепь другая
Навек...

Доњья Соль

(в сторону)

О боже мой!..

Дон Руй Гомес

О дева пресвятая,
Мой гость сошел с ума!

Эрнани

Ваш гость — разбойник, враг!

Донья Соль

Не слушайте его!

Эрнани

Поверьте, это так!

Дон Руй Гомес

Как! Тысяча монет? Такая сумма!.. Боже...
Ручаться мне нельзя за слуг моих...

Эрнани

Так что же?

Тем лучше, хоть один найдется пусть среди них.

(Слугам)

Продайте же меня.

Дон Руй Гомес

(пытаясь принудить его к молчанию)

Молчите. Слов таких
Не должно слышать им.

Эрнани

Друзья, вот случай верный:
Изгнанник я, бунтарь, разбойник беспримерный, —

Эрнани!

Дон Руй Гомес

Замолчи!

Эрнани

Эрнани!

Донья Соль

(слабеющим голосом шепчет ему)

Замолчи!

Эрнани

(вполоборота к донье Соль)

Здесь свадьба! Но и я хочу своей свечи.

Меня невеста ждет.

(Герцогу)

Она не так прекрасна,
Как ваша, но меня она все ж любит страстно;
И Смерть зовут ее.

(Слугам)

Скорее! Что же вы?

Донья Соль

(тихо)

О небо!

Эрнани

(слугам)

Золото — оценка головы.

Дон Руй Гомес

Он — дьявол!

Эрнани

(молодому слуге)

Эй, сюда! Вот золото, с которым
Из жалкого слуги ты можешь стать сеньором.

(Слугам, которые медлят.)

Ну что ж? Дрожите вы? О, как мне не везет!

Дон Руй Гомес

Брат! Тронувший тебя сам от меня падет.
Пусть сам Эрнани ты, пусть полон ты коварства
И пусть за жизнь твою нам предлагаю царство, —
Ты все-таки мой гость. Тебя хранит мой дом
От Карла самого — ведь ты мне дан творцом.
За жизнь твою себя отдам я на закланье...

(Донье Соль)

Племянница моя, уж близок час венчанья, —
Идите же к себе. Чтоб замок крепче стал,
Ворота на запор.

(Уходит, слуги следуют за ним.)

Эрнани

(с отчаянием смотрит на свой лишенный оружия пояс)

О, если б хоть кинжал!

После ухода герцога донья Соль делает несколько шагов, чтобы последовать за своими прислужницами, но останавливается и, как только они выходят, в тревоге подходит к Эрнани.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Эрнани, доныя Соль.

Эрнани останавливает холодный и как бы небрежный взгляд на свадебных драгоценностях, разложенных на столе, качает головой, и глаза его загораются.

Эрнани

Я поздравляю вас! Все эти украшенья
Внушают мне восторг, приводят в восхищенье!

(Подходит к ларцу.)

Прекрасное кольцо — камней так ярок свет,
Колье сработано отменно, и браслет
Изваян так хитро, — но все же не хитре,
Чем вы, таящая бесчестные затеи!

(Снова рассматривает ларец.)

И что ж вы отдали взамен за весь убор?
Немножечко любви? Не правда ль, сущий вздор?
О боже, так предать! И жить, стыда не зная!

(Разглядывая ларец.)

Иль жемчуг тот фальшив иль то подделка злая, —
Медь вместо золота, сапфир, где блеска нет,
Брильянты ложные, колец обманный свет?
Ах, если это так, — как тот убор, отныне
Ты сердцем лжешь своим, как надо герцогине!

(Возвращается к ларцу.)

Нет, здесь все подлинно, все — роскоши печать;
Одной ногой в гробу, он не посмел бы лгать.
Все есть:

(перебирает одну за другой драгоценности ларца)

колье, кольцо, алмазные подвески,
Корона герцогинь в сиянии и блеске...
О, как его любовь почтительна, нежна!

Подарку нет цены!

Донья Соль

(подходит к ларцу, роется в нем и вынимает кинжал)

Вы не дошли до дна.

Кинжал у короля мне помогла Мадонна
Отнять, когда он мне сулил богатства трона.
Неблагодарный! Я отвергла трон для вас.

Эрнани

(падая к ее ногам)

К ногам твоим упав, из огорченных глаз
Я слезы осушу; я за твои страданья
Отдам всю кровь свою и все свое дыханье!

Донья Соль

(растрогана)

Эрнани, я люблю, прощаю, я полна
Любовью к вам, лишь к вам.

Эрнани

Прощает мне она
И любит! Кто бы мог, услышав оскорбленья,
Подобные моим, мне даровать прощенье?
О, как бы я хотел, когда бы только мог,
Коснуться, ангел мой, хоть следа милых ног!

Донья Соль

Друг!

Эрнани

Ненавидеть ты должна меня. Но все же
Скажи мне: «Я люблю». Что этих слов дороже
Для сердца в горести? И женских уст порой
Лишь слово нужно нам, чтоб вновь ожить душой.

Донья Соль

(погруженная в свои мысли, не слушая его)

Считать любовь мою такой непостоянной!..
 Ужель уверен он, скиталец безымянный,
 Что сердце женщины, где он один живет,
 Лишеньям вместе с ним богатство предпочтет?

Эрнани

Увы, я клевещу! И на твоем я месте
 «Довольно!» — крикнул бы безумцу, в жажде мести
 Тебя клянущему, — все лишь затем, что он
 То гневом яростным, то страстью ослеплен.
 Скажи мне: «Уходи!» Жестока будь со мною —
 Я все приму затем, что ты нежна душою,
 Что терпелива ты, что не гнала ты прочь.
 Я зол, и жизнь твою моя б чернила ночь;
 Твоя ж душа чиста, дух светел, непокорен,
 И виновата ль ты, что я так зол и черен?
 Стань герцога женой! И добр и знатен он,
 Ольмеда — мать его, он Алькало рожден.
 О, будь богата с ним, живи с ним в полном счастье!
 А я... ты знаешь, друг, что не в моей уж власти
 Достойно одарить тебя. Что б я принес
 С собой в приданое? Кровь иль потоки слез,
 Изгнанье, цепи, смерть, жизнь в страхе, вне закона,
 Вот дар мой, вот колье, вот брачная корона!
 О, ни один супруг не даст жене своей
 Таких жемчужных бус — из горя и скорбей.
 Стань старика женой! Он будет горд судьбою.
 Нет, кто б поверить мог!.. С голубкою такою,
 Изгнаник, рядом я. И кто бы, видя нас,
 Тебя — спокойною, меня — в мой грозный час,
 Тебя — цветок, в ночи безгорестно растущий,
 Меня — ладью средь скал под бурею ревущей,
 Сказал, что в этот час дорога нам одна!
 Прав сотворивший мир: не мне ты суждена.

Тебя ль своей судьбе отдам я беспокойной?
Душой, что я украл, владеет пусть достойный.
Согласья на любовь господь нам не давал.
Сказав, что так судьба велела, я солгал.
К тому же месть, любовь — окончатся со мною.
И вот иду я прочь с двойной своей мечтою:
Не в силах ни карать, ни страсть тебе внушить;
Для мести призванный, могу я лишь любить.
Прости!.. Оставь меня... Вот два моих желанья.
Не отвергай их, нет! Я шлю их в миг прощанья.
Тебе — вся жизнь, мне — смерть. Не знаю, почему
Со мной в могильную идти ты хочешь тьму.

Донья Соль

Жестокий!

Эрнани

Арагон и ты, Эстремадура!
На все, что делаю, судьба взирает хмуро.
Я ваших взял сынов, я за себя — увы! —
Заставил биться их — и вот они мертвы.
То были самые храбрейшие в Кастильи;
Они лежат в горах, где пули их сразили;
Отважно, на спине, лицом в небесный свод,
Чтоб видеть небо вновь, лишь бог их позовет.
Вот то, что сделал я тому, кто был со мною.
Ужель такого ты пленишься судьбою?
Пусть герцог, пусть сам ад, пусть даже сам король —
Все лучше для тебя, чем я... О донья Соль!
Нет друга у меня, который мной гордится.
Покинут всеми я. Так пусть судьба свершится;
Я должен быть один. Оставь меня совсем,
Не делай из любви религии. Зачем?
Молю тебя, беги! Ты думаешь, быть может,
Что я один из тех, кого мечта тревожит,
Кто к цели избранной бестрепетно идет?
О нет! Я темный рок, я страшных сил полет!

Я порождение слепой и мрачной тайны,
Я дух, родившийся из тьмы необычайной,
Иду невесть куда; и слушать обречен
Дыхание стихий, безумных сил закон.
Все ниже, ниже путь. Прервать нельзя движенья;
А если оглянусь, усталый, на мгновенье,
Я слышу вновь: «Иди!» И пропасть так страшна!
В ней отсвет крови есть; она озарена
Ужасным пламенем; в нее готов упасть я.
Все гибнет вокруг меня; я приношу несчастье...
Беги же прочь! Сойди с дороги роковой, —
Тебе невольно зло я принесу с собой.

Донья Соль

О боже!

Эрнани

Демон мной владеет, дух постылый.
Он всемогущ, но дать мне счастье он не в силах.
Ты — счастье: значит, ты — пусть страстью мы горим
Не можешь стать моей. Будь счастлива с другим!
О, если бы судьба, в своем стремленье странном,
Послала счастье мне! Нет, было б то обманом,
Будь герцогу женой.

Донья Соль

Иль не довольно вам?
Разбили сердце мне и рвete пополам.
Нет, вы не любите меня!

Эрнани

О дорогая!
Ты — тот костер, где я сейчас живу, пылая.
Но должен я бежать. О, не вини меня!

Донья Соль

Нет, вас я не виню. Но все ж погибну я.

Эрнани

Смерть! Смерть из-за меня! Нет, я того не стою,
К чему?

Донья Соль

(*не в силах сдержать рыданья*)

Что я могу?

(*Падает в кресло.*)

Эрнани

(*садясь возле нее*)

Твой взор горит слезою.
Я этому виной. И кто мне отомстит?
Ведь ты меня простишь? Душа не так болит,
Когда в очах твоих я вижу слез дрожанье,
Туманящее взор, исполненный сверканья.
Мертвы мои друзья. Мне душу полнит мрак.
Прости. Хочу любить, и сам не знаю, как,
И все же я люблю глубоко, всей душою.
Не плачь! Давай умрем! Будь целый мир со мною, —
Тебе б я дал его! Но я сражен судьбой.

Донья Соль

(*кидаясь ему на шею*)

О, как прекрасен ты, лев благородный мой!
Люблю!

Эрнани

Когда б любовь, блаженство нам даряя,
Могла б и смерть нам дать!

Донья Соль

О, как тебя люблю я!
Властитель мой! Люблю! Я вся теперь твоя!

Эрнани

(припав головой к ее плечу)

С какой бы радостью кинжал твой встретил я!

Донья Соль

(умоляющим голосом)

Ах, не боитесь вы, что вас сам бог накажет
За эту речь?

Эрнани

(прильнув к ее груди)

Ну что ж? Пусть он нас прежде свяжет.
Ты хочешь этого? Я сделал все, что мог.

Обнявшись, они глядят в глаза друг другу, ничего не видя, не слыша. В дверь в глубине входит дон Руй Гомес. При виде их он, ошеломленный, останавливается на пороге.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Эрнани, донья Соль, дон Руй Гомес.

Дон Руй Гомес

(скрестив руки на груди, неподвижно стоит в дверях)

Так вот кого пустил к себе я на порог!

Донья Соль

О небо! Герцог!

Эрнани и донья Соль обворачиваются, как бы пробужденные внезапным толчком.

Дон Руй Гомес

Вот чем платят мне отныне!

«Старик, иди взгляни, крепки ль твои твердыни,
Ворота заперты ль, на башенных зубцах

Стоит ли день и ночь охрана на часах,
 По росту отыщи себе вооруженье,
 Подставь свой дряхлый стан под тяготы сраженья —
 Сполнна оплатится доверчивость твоя,
 И то, что ты мне дал, верну с избытком я».
 О небо! Я шестой десяток доживаю;
 Что значит бешенство разбойников — я знаю;
 Не раз ночной порой, свой выхватив клинок,
 Я в бегство обратить бродяг полночных мог;
 Убийц, изменников с собой я видел рядом,
 И слуг, хозяину несущих кубок с ядом,
 И тех, кто без молитв предсмертных умирал;
 Знал Борджа, Сфорцу я и Лютера встречал, —
 Но все ж такого я не видел преступления:
 Здесь гость хозяину наносит оскорбленье!
 Был не таков мой век. Такой изменины вид
 Вдруг старца ужасом в дверях окаменит,
 И он, под тяжестью ужасного страданья,
 Как надмогильное застынет изваянье.
 Испанцы, мавры! Как такой злодей живет!

(Поднимает глаза и обводит взором висящие по стенам портреты.)

О Сильва, слушайте! О доблестный мой род!
 Прости, что пред тобой я, гневом ослепленный,
 Гостеприимства мог на миг забыть законы.

Эрнани

(поднимаясь)

О герцог!

Дон Руй Гомес

Замолчи!

(Делаёт три шага вперед и разглядывает один за другим все портреты рода Сильва.)

Вы, предки! Прям ваш взгляд;

Вам небо видимо, и знаете вы ад.
Скажите, кто же он, тот человек, — откуда?
То не Эрнани, нет: предатель он, Иуда!
О, дайте наконец, я вас молю, ответ!

(*Скрестив руки на груди*)

Могло ль подобное случиться с вами? Нет!

Эрнани

О герцог!

Дон Руй Гомес

(*по-прежнему обращаясь к портретам*)

Видите? Он говорит, бесчестный!
Что замышляет он, о предки, вам известно, —
Не слушайте его. Обманщик он и ждет,
Что кровь рука моя в своем жилье прольет,
Что я таю в груди, забыв веленья чести,
Как в день Семи голов, одну лишь жажду мести.
Себя изгнаником сочтя, меня опять
Не Сильва — Ларою осмелится он звать.
Он скажет, что он гость и мой и ваш, сеньоры...
О предки! Гневные не отвращайте взоры,
Но рассудите нас.

Эрнани

О Сильва! Коль могло
Столь благородное явиться нам чело,
Столь сердце чистое, ум смелый и глубокий,
Так это вы, сеньор, хозяин мой высокий!
Я, говорящий здесь, виновен, я смущен.
Что я могу сказать, когда я осужден?
Да, я хотел украсть жену твою, — о боже! —
Бесчестьем запятнать твое хотел я ложе.
Всю кровь, что есть во мне, — пролей ее клином
И, осушив его, не думай ни о чем.

Донья Соль

Виновна я, не он! Лишь мне готовьте мщенье!

Эрнани

Молчите, донья Соль! Вот лучшее мгновенье.
Оно мое, мое! Нельзя его отнять.
Я должен герцогу здесь многое сказать.
О герцог, в смертный, час я клятвою старинной
Клянусь: виновен я, а донья Соль невинна.
Вот все. Виновен я, она чиста! Ты б мог
Вернуть доверье ей, мне — в грудь вонзить клинок.
Да, можешь бросить ты в дверях мол труп кровавый
И вымыть пол. Пусть так! Ведь ты имеешь право.

Донья Соль

Ах, я всему виной. Люблю его...

Дон Руй Гомес, вздрогнув, оборачивается и вперяет в донью Соль ужасающий взгляд. Она бросается к его ногам.

Он мой!

Да, я люблю его.

Дон Руй Гомес

Вы любите?

(*К Эрнани*)

Постой!

Звук рожков за сценой. Входит паж.

Что там за шум?

Паж

Сеньор, то сам король с толпою
Несметною стрелков, при нем герольд с трубою.

Донья Соль

Король! Удар судьбы!

Паж

(герцогу)

Спросил он, почему
Ворота заперты.

Дон Руй Гомес

Король? Открыть ему!

Паж, поклонившись, уходит.

Донья Соль

Погиб он!

Дон Руй Гомес подходит к раме одного из портретов — своего собственного, который висит с края налево, и нажимает пружину. Портрет поворачивается, как дверь, и обнаруживает тайник, находящийся за ним в стене. Затем герцог оборачивается к Эрнани.

Дон Руй Гомес

Спрячься здесь скорей.

Эрнани

Моей судьбою
Теперь владеешь ты. И этой головою.
Я пленник твой.

(Входит в тайник.)

Дон Руй Гомес снова нажимает пружину, и портрет возвращается на прежнее место.

Донья Соль

Молю за жизнь его, сеньор!

Паж

(входя)

Его величество король!

Донья Соль быстро опускает вуаль. Двери распахиваются настежь. Входит дон Карлос в военном наряде, сопровождаемый толпою дворян, вооруженных, как и он. За ними солдаты с протазанами, аркебузами и арбалетами.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Дон Руй Гомес, донья Соль под вуалью, дон Карлос, свита.

Дон Карлос приближается медленными шагами; левая рука его на эфесе шпаги, правая — на груди. Он устремляет на старого герцога взгляд, полный подозрения и гнева. Герцог идет к нему навстречу и приветствует его глубоким поклоном. Молчание. Все ждут, охваченные ужасом. Наконец король, подойдя вплотную к герцогу, быстро поднимает голову.

Дон Карлос

С каких же пор,
Кузен мой, вход сюда ты держишь загражденным?
Клянусь, давно считал я меч твой притупленным
И в час, когда к тебе я шел, не ожидал
Найти в руках твоих сверкающий кинжал!

Дон Руй Гомес хочет говорить; король продолжает, сделав повелительный жест.

Не странно ли гореть столь юношеским пылом?
В тюрбанах, что ли, мы? Зовусь я Боабдилом
Иль Магометом, да? Зачем, скажи мне, ты
Решетку опустил и поднял все мосты?

Дон Руй Гомес

(склоняясь перед ним)

Сеньор...

Дон Карлос

(дворянам)

Забрав ключи, зайдите все проходы!

Два офицера уходят. Другие устанавливают солдат в три ряда от короля до главного входа. Дон Карлос оборачивается к герцогу.

А! Воскресили вы былых восстаний годы?
Так, герцог мой, себя ведете вы со мной?
Ну что ж, я как король ответ вам дам прямой.
Я горы перейду и сам, закован в латы,
Дворянство задушу средь гнезд его зубчатых.

Дон Руй Гомес

(выпрямляясь)

Король, тебе верны все Сильва...

Дон Карлос

(прерывая его)

Что хитрить?

Ответь, иль башни я велю — все десять — срыть.
Костер погашен — да, но искра догорает.
Бандиты умерли — вождь жив. Его скрывает
Де Сильва, герцог мой. Эрнани, дерзкий вор,
Мятежник, — у тебя, здесь, в замке?

Дон Руй Гомес

О сеньор,
То правда.

Дон Карлос

Хорошо. И головой своею
Ответит он иль ты!

Дон Руй Гомес

Я возражать не смею.
Пусть будет так.

Донья Соль закрывает лицо руками и падает в кресло.

Дон Карлос

(смягчен)

Готов на жертву ты? Вперед!
Ищите пленника.

Герцог, скрестив руки, опускает голову и некоторое время остается погруженным в раздумье. Король и донья Соль молча наблюдают за ним, обуреваемые противоположными чувствами. Наконец герцог поднимает голову, идет к королю и, взяв за руку, медленными шагами подводит его к самому древнему из портретов, которым начинается их ряд, справа от зрителя.

Дон Руй Гомес

(показывая королю на старый портрет)

Из рода Сильва вот —
Старейший, пращур мой, герой, большое имя.
Дон Сильвий, тот, что был три раза консул в Риме.

(Переходя к следующему портрету.)

Вот здесь дон Гальсеран де Сильва — Сид второй!
В соборе Торо он, в гробнице золотой;
Средь тысячи свечей горит над ним корона.
От подати в сто дев он спас народ Леона.

(Идет дальше.)

Дон Блас, что сам себя изгнал во цвете лет
За то, что королю неправый дал совет.

(Идет дальше.)

Кристобаль. В битвы час, когда под Эскалоной
Дон Санчо, наш король, чей шлем, столь оперенный,
Приманкой был врагам, сказал: «Спаси меня!» —
Он шлем его надел и дал ему коня.

(Идет дальше.)

Дон Хорхе. Выкупил когда-то из неволи
Рамиро-короля.

Дон Карлос

(скрестив руки, оглядывает его с головы до ног)

Дивлюсь я вам все боле,
Дон Руй!

Дон Руй Гомес

(идет дальше)

Вот Гомес Руй. В делах он вознесен.
Сант-Яго был магистр и Калатравы он.
Кто тяжесть вынес бы его вооружений?
Он триста взял знамен, он триста вел сражений.
Он трону подарил Монтриль, Хаэн, Суэц
И умер в нищете. Склонитесь, наконец!

(Отвешивает поклон.)

Король слушает его с возрастающим нетерпением и гневом.
Хиль, сын его, с душой и верной и суровой:
Всех королевских слов его надежней слово.

(Идет дальше.)

Гаспар! Мендосы кровь и Сильвы слились в нем.
Со всем дворянством мы соседствуем родством.
Страшась нас, Сандоваль не раз роднился с нами;
Манрике, Лара нам завидуют веками,
И враг наш Аленкастр. Наш род пятой своей
Уперся в герцогов, главою — в королей.

Дон Карлос

Вы насмехаетесь...

Дон Руй Гомес

(переходя к следующим портретам)

Дон Васкес, прозван — «Умный».
 Дон Хайме — «Сильный»; тот, что в храбости
 безумной
 Замета с маврами сдержал своей рукой.
 Но я иду к другим, и лучшим.

(Заметив гневный жест короля, пропускает ряд портретов и переходит к трем последним, слева от зрителей.)

Прадед мой!
 Жил шесть десятков лет, держать умев слово,
 Хотя бы дал жиду...

(Подходит к предпоследнему.)

Вот старика седого
 Портрет — то мой отец. Герой последний он.
 Когда был маврами захвачен граф Хирон,
 Шестьсот взяв воинов, отважный и суровый,
 Он поскакал вслед, чтоб с друга сбить оковы.
 Из камня изваять Хирона он велел
 И взял его с собой и средь враждебных стрел
 Клялся не отступать, покуда этот камень
 Чела не отвратит, не дрогнет пред врагами.
 Он бился, победил, из плена друга спас.

Дон Карлос

Мой пленник!

Дон Руй Гомес

С ним наш род высокий не угас.
 Все скажут: «Вот они, герои поколений,
 Де Сильва, храбрецы!»

Дон Карлос

Скорее! Где мой пленник?

Дон Руй Гомес низко склоняется перед королем, берет его за руку и подводит к последнему портрету, который служит дверью в тайник, где скрыт Эрнани.

Донья Соль следит за герцогом взором, исполненным тревоги. Присутствующие молча ждут.

Дон Руй Гомес

Вот мой портрет. Король, благодарю вас. Вы
Хотите, чтоб он стал посмешищем молвы?
«Изменник был рожден высокою семьею,
И гостя своего он продал с головою!»

Радость доньи Соль. Движение среди присутствующих. Король удаляется в гневе. Он вдруг останавливается и несколько мгновений остается погруженным в молчание: губы его дрожат, взгляд пылает.

Дон Карлос

Твой замок гнусен мне, и он пойдет на слом!

Дон Руй Гомес

Но буду я за все вознагражден потом.

Дон Карлос

Велю я башни срыть в знак королевской мести,
И станет конопля рости на этом месте.

Дон Руй Гомес

Пусть лучше коноплей покроется оно,
Чем мне на имени своем носить пятно.

(К портретам)

Не правда ль, предки?

Дон Карлос

Ты ответить головою
Мне, герцог, обещал...

Дон Руй Гомес

Иль той, или другою.

(К портретам)

Не правда ль, предки?

(*Показывая на свою голову*)

Вот вам голова моя.

(*Королю*)

Возьмите!

Дон Карлос

Хорошо. Но все ж обманут я.
Мне нужно голову иную, молодую,
Чтоб мертвой взять ее за кудри. А такую?..
Палач напрасно бы волос на ней искал:
Для пятерни его ты слишком гладок стал.

Дон Руй Гомес

Молчите, о король! Честь ею не забыта.
Она ценней для вас, чем голова бандита.
Вам Сильва не нужны? С каких же это пор?

Дон Карлос

Отдай Эрнани нам!

Дон Руй Гомес

По совести, сеньор,
Нет!

Дон Карлос

(*свите*)

Обыщите все! Все башни, закоулки,
Подвалы, погреба.

Дон Руй Гомес

Но камень замка гулкий
Надежен, как я сам. И нам двоим позволь
Ту тайну ото всех хранить.

Дон Карлос

Я твой король!

Дон Руй Гомес

Пусть станет замок мой добычей разрушенья, —
Я смерть в нем обрету, но не скажу.

Дон Карлос

Моленъя

Напрасны. Где бандит? Ты хочешь, чтоб отнял
Я голову твою и замок?

Дон Руй Гомес

Я сказал.

Дон Карлос

Мне не одна уже нужна теперь, а обе.

(К герцогу Алькала)

Возьмите герцога!

Донья Соль

(сорвав с себя вуаль, бросается между королем, герцогом и стражей)

Король, в столь дикой злобе
Вы отвратительны!

Дон Карлос

Что вижу? **Донья Соль**?

Донья Соль

Нет, не испанское в вас сердце, мой король.

Дон Карлос

(смушен)

Не слишком ли сейчас вы к королю суровы?

(Приближается к донье Соль, тихо)

Сюда я из-за вас пришел, на все готовый.
От вас один мне путь — иль в ад, иль к небесам.
Когда не любят нас, легко стать злыми нам!
Когда бы только взор ко мне вы устремили,
Великим бы я стал, я стал бы львом Кастильи!
Но в тигра превратил меня ваш дерзкий гнев:
Молчите — это тигр ревет, рассвирепев.

Донья Соль бросает на него взгляд. Он отвешивает поклон.

Но все ж покорен я!

(Обращаясь к герцогу)

Тебя, кузен, я знаю;
Велений чести я в тебе не отвергаю.
Будь верен гостю ты, неверен королю.
Я лучше: я тебе прощение дарю.
Невесту только я возьму себе залогом.

Дон Руй Гомес

Да? Только?

Донья Соль

(поражена)

Как, меня?

Дон Карлос

Да, вас!

Дон Руй Гомес

Ну что ж, не много!
Вот милость высшая! Вот благородства путь!
Он голову щадит, но мне терзает грудь.
Прощенье!

Дон Карлос

Выбирай меж нею и злодеем.
Одно из двух.

Дон Руй Гомес

Король, мы возражать не смеем.

Дон Карлос приближается к донье Соль и хочет ее увести с собой. Она ищет защиты у дона Руй Гомеса.

Донья Соль

Спасите, о сеньор!

(*Останавливается, про себя*)

Ах, как несчастна я!
Кровь дяди, кровь его... Нет, может быть, моя!

(*Королю*)

Иду за вами вслед.

Дон Карлос

(*про себя*)

Да, мысль была прекрасна!
И прекословить мне она уже не властна!

Донья Соль медленными и твердыми шагами подходит к ларцу, где спрятаны ее драгоценности, открывает, берет оттуда кинжал и прячет его у себя на груди. Дон Карлос подходит к ней и предлагает ей руку.

Дон Карлос

(*донье Соль*)

Что взяли вы?

Донья Соль

Пустяк.

Дон Карлос

Кольцо или браслет?

Донья Соль

Да.

Дон Карлос

(улыбаясь)

Я узнаю.

Донья Соль

Да.

(Подает ему руку и хочет идти за ним.)

Дон Руй Гомес был, по-видимому, погружен в свои мысли, но тут он оборачивается и делает несколько шагов.

Дон Руй Гомес

Земля! Небесный свет!

Как бессердечен он, правитель мой надменный!

На помощь! Рушьтесь все! Рассыпьтесь прахом, стены!

(Подбегает к королю.)

Оставьте мне ее! Я ею жив одной!

Дон Карлос

(отпускает руку доньи Соль)

Так выдай пленника!

Герцог опускает голову, словно во власти мучительной нерешильности; затем поднимает взор к портретам и простирает к ним руки.

Дон Руй Гомес

О, сжальтесь надо мной!

(Делает шаг к тайнику.)

Донья Соль следит за ним тревожным взглядом. Он обращается к портретам.

И не смотрите так. Я подойти не смею.

(Подходит, шатаясь, к своему портрету, затем еще раз оборачивается к королю.)

Ты хочешь?

Дон Карлос

Да!

Герцог протягивает дрожащую руку к пружине.

Донья Соль

Ах!

Дон Руй Гомес

Нет!

(Бросается на колени перед королем.)

Я жизни не жалею.

Дон Карлос

Ее!

Дон Руй Гомес

(поднимаясь)

Возьми ж ее! Все лучше, чем позор.

Дон Карлос

(берет за руку дрожащую донью Соль)

Прощай.

Дон Руй Гомес

Мы свидимся...

(Провожает взглядом короля, — том медленно уходит с доньей Соль; затем кладет руку на рукоять своего кинжала.)

Храни вас бог, сеньор!

(Возвращается на авансцену, задыхаясь, ничего не видя и не слыша. Взор его устремлен в пространство, руки скрещены на вздывающейся груди.)

Король уходит с доньей Соль, и вся свита следует за ним, попарно, торжественно, каждый соответственно своему рангу. Выходящие вельможи обмениваются тихими словами.

Дон Руй Гомес

(в сторону)

Король, уходишь ты, лицо твое сияет,
И верность грудь мою отныне покидает.

(Поднимает глаза, оглядывается по сторонам и видит, что остался один. Подбегает к стене, снимает две висящие там шпаги, сравнивает их длину и кладет на стол. Возвращается к портрету и нажимает пружину. Тайник открывается.)

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Дон Руй Гомес, Эрнани.

Дон Руй Гомес

Ну!

Эрнани появляется в дверях тайника. Дон Руй Гомес указывает ему на две шпаги, лежащие на столе.

Выбирай! Король уже покинул дом,
Пора с тобою нам поговорить вдвоем.
Бери! И поскорей! Иль взять рука страшится?

Эрнани

Дуэль? Нет, не могу, старик, с тобою биться.

Дон Руй Гомес

Вот как? Боишься ты? Не ровня мне? Мой бог!
Что в том? Противника, с клинком скрестив клинок,
Я равным делаю, весь гневом пламенея.

Эрнани

Старик...

Дон Руй Гомес

Убей меня иль сам умри скорее!

Эрнани

Умру. Ты спас меня — и жизнь свою, мой враг,
Я отдаю тебе. Возьми ее.

Дон Руй Гомес

Ах, так?

(*К портретам*)

Он хочет смерти сам.

(*К Эрнани*)

Молись без промедлея.

Эрнани

Тебе я шлю сейчас последнее моленье!

Дон Руй Гомес

Шли небу.

Эрнани

Нет, тебе! Я жизнь тебе отдал.
Рази! Все хорошо — меч, шпага иль кинжал!
Но сжался над душой несчастною мою, —
Пред тем как я умру, дай повидаться с нею!

Дон Руй Гомес

С ней повидаться?

Эрнани

Да, услышать в смертный час
Хоть голос доныи Соль — увы, в последний раз!

Дон Руй Гомес

Ее услышать?

Эрнани

Да. Ревнуешь ты, я знаю.
Послушай, жизнь моя уже подходит к краю.
Прости. Когда нельзя увидеть мне ее,
Услышать дай, — и я уйду в небытие.
Лишь голос услыхать! Пойми мое желанье.
С какою радостью я испущу дыханье,
Когда моя душа, которой жизни нет,
Ее души в очах увидит нежный свет.
Ни слова не скажу я, верь, твоей невесте.
Убей меня потом.

Дон Руй Гомес

(показывая на тайник с еще открытой дверью)

О небо! В этом месте,
Которое всегда так глухо, так мертвое,
Ужель не слышал ты?..

Эрнани

Не слышал ничего.

Дон Руй Гомес

Тебя или ее хотел взять тот, кто губит...

Эрнани

Кто ж взял ее?

Дон Руй Гомес

Король.

Эрнани

Старик, ее он любит!

Дон Руй Гомес

Как!

Эрнани

Он ее увез. Он — враг и нам и ей.

Дон Руй Гомес

Проклятие! Вперед! Вассалы! На коней!

В погоню!

Эрнани

Хочешь ты догнать скорей злодея?

Но юности рука найдет его вернее.

Я твой. Я отдал жизнь тебе, старик. Позволь

Отмстить за честь твою, отмстить за донью Соль.

Есть право у меня делить твое отмщенье —

У ног твоих молю на это разрешенья.

Поскачем вслед за ним. Я — твой и меч и нож.

Дай мстить мне за тебя. Потом меня убьешь.

Дон Руй Гомес

Потом что захочу я сделаю с тобою?

Эрнани

Да!

Дон Руй Гомес

Чем клянешься ты?

Эрнани

Отцовской головою.

Дон Руй Гомес

А вспомнить это все захочешь ли ты сам?

Эрнани

(протягивая ему рог, который висел у него за поясом)

Послушай, вот мой рог. Что б ни предстало нам,
Когда б ты ни решил, в каком бы ни был месте,
Раз день уже настал для этой страшной мести,
Для гибели моей — труби в мой рог тотчас.
Я твой.

Дон Руй Гомес

(протягивает ему руку)

Дай руку мне.
Обмениваются рукопожатием.

(Обращаясь к портретам)

Все слышали вы нас!

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ. ГРОБНИЦА**Ахен**

Подземелье гробницы Карла Великого в Ахене. Высокие ломбардские своды. Широкие и низкие колонны с романскими арками и капителями из цветов и птиц. Направо гробница Карла Великого с полукруглой бронзовой дверцей. Единственный светильник, подвешенный к замку свода, освещает надпись: «KAROLUS MAGNUS». Ночь. Глубины подземелья не видно. Взор теряется в сводах, лестницах, колоннах, тонущих во мраке.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

*Дон Карлос; дон Рикардо де Рохас, граф де Касапальма, с фонарем в руке.
Длинные плащи, шляпы с опущенными полями.*

Дон Рикардо

(со шляпой в руке)

Здесь!

Дон Карлос

Лиги сбираща проходят в этом месте!
Здесь всех их в кулаке держать я буду вместе.
Что ж, трирский выборщик, в пещере столь глухой
Ты место лиге дал? Удачен выбор твой!
Всем гнусным замыслам нужны свои подвалы;
Над плитами всегда легко точить кинжалы.
Большая ждет игра. В ней ставка — жизнь моя.
Убийцы! Чья возьмет — еще не знаю я.
Для дела гнусного под кровом черной ночи
Прекрасно выбран склеп. Вам — к смерти путь короче.

(*Дону Рикардо*)

Далеко ли идет подземный этот ход?

Дон Рикардо

До самой крепости.

Дон Карлос

Нам, кажется, везет.

Дон Рикардо

С другой же стороны примкнул он к церкви старой, —
Зовется Альтенгейм.

Дон Карлос

Рудольф убил Лотара
В том месте... Лиги цель должна мне быть ясна.

Какие у тебя есть в списке имена?

Дон Рикардо

Есть Гота.

Дон Карлос

Знаю я, о чём он так хлопочет:
Он императором германца видеть хочет.

Дон Рикардо

И Гогенбург.

Дон Карлос

А он — клянусь своей душой! —
С Франциском хочет ад, отвергнув рай со мной!

Дон Рикардо

Дон Хиль Тельес Хирон.

Дон Карлос

Кастилия и Дева!..
Изменник! Моего не избежит он гнева!

Дон Рикардо

Есть слух, что у жены застал вас как-то он
В тот день, когда он сам испанский стал барон.
Чтоб отомстить за честь, собрал он всю отвагу.

Дон Карлос

И на Испанию не медля поднял шпагу...
Кто в списке есть еще?

Дон Рикардо

С другими занесен
Епископ Вассес. Там один из первых он.

Дон Карлос

Что ж, тоже за жену он захотел отмщенья?

Дон Рикардо

Есть Лара, дон Гусман; он жаждал награжденья —
Был вами обойден.

Дон Карлос

Цепь знака моего
На горло хочет он? Дадим ему его.

Дон Рикардо

Есть герцог Люцельбург. Он грезит дни и ночи...

Дон Карлос

Его столь длинный рост мы сделаем короче.

Дон Рикардо

Есть Аро — хочет он Асторгу.

Дон Карлос

Сто чертей!
Все Аро делались добычей палачей!

Дон Рикардо

Все.

Дон Карлос

Тут недостает... Граф, перечти скорее,
Ты семь голов назвал. Мой счет куда полнее.

Дон Рикардо

Я только купленных бандитов не назвал
Из Трира, Франции...

Дон Карлос

Бродяги, чей кинжал,

Готовый засверкать столь мстительно и колко,
Влечется к золоту, как к полюсу иголка!

Дон Рикардо

Но двое новых есть; отвага в них видна
И дерзость: молодой и старый.

Дон Карлос

Имена?

Дон Рикардо недоуменно пожимает плечами.

А возраст?

Дон Рикардо

Двадцать лет тому, кто юн.

Дон Карлос

О боже!

Дон Рикардо

А старцу — шестьдесят.

Дон Карлос

Один еще не дожил,
Другой свой прожил век. Ну что же? Я хочу
Помочь обязанность исполнить палачу.
Изменников щадить не хочет меч мой правый:
Всегда на смену он придет секире ржавой.
Он императорский мой пурпур отсечет,
Чтоб пышной мантией украсить эшафот.
Но буду ль избран я?

Дон Рикардо

Совет свое сужденье
Выносит в этот час.

Дон Карлос

Я полн недоуменья.
Франциск ли, Фридрих ли Саксонский, что лукав
И прозван Мудрецом? Пожалуй, Лютер прав:
Все к худшему идет. О делатели славы!
Лишь злата доводы ваш любит род лукавый!
Саксонец — еретик, граф Палатинский глуп,
А примас Трира зол и на разврат не скуп.
Богемец — за меня и гессенские принцы;
Но все они малы, как земли их провинций.
О, молодых глупцов и старцев злых совет!
Короны? Много их. Но головы? Их нет.
Пигмеи! Ваш совет, где мудрость вся иссякла,
Я мог бы завязать в свой львиный плащ Геракла!
А если пурпур снять, то в каждом короле
Не больше разума, чем в жалком Трибуле.
Три голоса нужны мне, друг мой! Как приманку,
Я отдал бы свой Гент, Толедо, Саламанку
За три их голоса. Ты видишь, друг, готов
Я ради этих трех, мне нужных, голосов
Дать часть из Фландрии, одну из двух Кастилий, —
Но только чтоб назад мы их потом отбили!

Дон Рикардо отвешивает королю глубокий поклон и надевает шляпу.

Как! Шляпу ты надел?

Дон Рикардо

Я назван был на ты —

(снова кланяясь)

Я стал испанский гранд.

Дон Карлос

(в сторону)

О жалкие мечты!
Тщеславье, пустота! Продажные отродья!
Им все бы выгоды, грядущие угодья!

На лестницах моих не стоит ничего
Им крошки подбирать величья моего!

(Задумывается.)

Бог, император? Да. Святой отец? Признаю.
Но герцог?.. Но король какой-то?..

Дон Рикардо

Полагаю,
Что вашу светлость ждет избранье.

Дон Карлос

(в сторону)

Светлость — я?
Мне не везет ни в чем. Всё в сане короля.

Дон Рикардо

(в сторону)

Он избран или нет — я все же гранд испанский.

Дон Карлос

Но как узнаем мы, кто властелин германский?
Каких сигналов ждать нам с башенных вершин?

Дон Рикардо

Ждать пушечной пальбы. Саксонский — залп один;
Два выстрела — Франциск; три — Карлоса избранье.

Дон Карлос

О, эта доныя Соль! Души моей страданье!
Коль изберут меня — скажите ей скорей.
Быть может, цезарем и я понравлюсь ей!

Дон Рикардо

(улыбаясь)

Король, вы так добры!

Дон Карлос

(надменно его обрывая)

А ты молчи до срока!
Я не сказал того, что я таю глубоко. —
Когда узнаем мы решенье?

Дон Рикардо

До зари;
Ждать час, не более.

Дон Карлос

Три голоса! Лишь три!
Но дерзкий заговор раздавим мы сначала,
А там решим, как мне та мантия пристала.

(Считает по пальцам и топает ногой.)

Три голоса нужны! И есть они у них!
Агриппа все расчел. Среди светилочных
Тринадцать ярких звезд в небесном океане
Плынут к моей звезде, ей радуясь заране.
Имперский трон за мной!.. Слух все же разнесен:
Франциску Жан Тритем предрек такой же трон.
О, я бы предпочел, коль впрямь я трона стою,
Оружьем подкрепить пророчество такое!
Все предсказания столь тонких мудрецов
Верней находят цель без всяких лишних слов,
Лишь только армия, где пушки есть и пики,
Пехота, всадники, фанфары, трубы, клики,
Указывает путь хромающей судьбе
И бабкой служит ей в предродовой борьбе.
Так кто же прав из них: Тритем или Корнелий?
Лишь тот, кто с армией идет упорно к цели,
Кто правоту свою оружием крепит,
Кому помочь готов ландскнехт или бандит, —

Вот те, что выпрямить должны ошибки рока,
Кроя события по прихоти пророка.
Несчастные глупцы! Надменно взор подняв,
Стремясь к владычеству, они твердят: я прав!
У них есть пушек строй, чье дымное дыханье
Способно города снести до основанья,
Солдаты, корабли, — и вы убеждены:
Они свое возьмут насилием войны.
О нет! Покорные земных судеб закону,
Что к пропасти скорей приводит нас, чем к трону,
Они, чуть сделав шаг, сомнения рабы,
Пытаясь разгадать намеренья судьбы,
Не верят уж себе и в странном колебанье
Искать у колдуна стремятся указанья!

(*Дону Риккардо.*)

Иди. Моих врагов сейчас назначен сбор.
Да, ключ от склепа где?

Дон Рикардо

(*передавая ключ королю*)

Подумайте, сеньор,
О графе Лимбургском, начальнике охраны.
Он дал мне этот ключ, он ваш сторонник рьяный.

Дон Карлос

(*отпуская его*)

Иди же, сделай все, что сказано.

Дон Рикардо

(*кланяясь*)

Всегда

Готов я вам служить.

Дон Карлос

Три раза выстрел? Да?

Дон Рикардо кланяется и уходит. Дон Карлос, оставшись один, погружается в глубокую задумчивость. Руки его скрещены на груди, голова опущена; затем он выпрямляется и подходит к гробнице.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Дон Карлос

(один)

Прости, великий Карл! Средь сводов одиноких
Есть место лишь для слов суровых и высоких.
С негодованием ты б слушал над собой
Докучных наших фраз честолюбивый строй...
Великий Карл, ты здесь! Как мрачная гробница,
Величием твоим полна, не разлетится?
Ты в самом деле здесь, привыкший созидать!
О, как ты можешь здесь во весь свой рост лежать?
Какое зрелище — Европа, что тобою
Оставлена такой могучей и большою!
Она — как здание, где наверху стоят
Лишь два избранника, царей поправших ряд.
Все страны, герцогства, все царства, маркизаты
Идут из рода в род и по наследству взяты.
Народ же цезаря творит и папу сам,
А случай к случаю ведет их по векам.
Вот равновесие, вот что порядком стало.
Плащ избирателя и пурпур кардинала,
Священный сей синклит, причина всех тревог, —
Лишь видимость одна, а миром правит бог.
В потребности времен рождается идея:
Она растет, живет, все строя, всем владея,
Вот — человек она, сердца к себе влечет,
И в страхе короли ей зажимают рот;
Вот — входит в их конclave, сенат или собрание,

И видят короли — не знавшая признанья,
Она царит уже, она растет во мгле
С державою в руке, с тиарой на челе.
Да, цезарь с папой — все. Да, все, что есть на свете, —
Иль в них, иль через них. И в полном тайны свете
Стоят они; и бог, по милости своей,
Обрек их пиршеству народы и царей,
За стол их усадил под полным грома небом,
Чтоб целый мир служить им мог насущным хлебом.
Вдвоем сидят они; в их власти шар земной,
Они порядок в нем блюдут своей косой.
Все — им. И короли в дверях, полны смущенья,
Вдыхают запах блюд, глядят на угощенья
И, зависти полны к тому, что видят тут,
Чтоб лучше разглядеть, на цыпочки встают.
Под ними мир лежит, как лестница крутая.
Один царит, рубя, другой — лишь разрешая.
Власть — первый, истина — второй. И заключен
Смысл жизни только в них. Они — себе закон.
Когда идут — равны, едины в мире целом,
Один весь в пурпуре, другой в покрове белом.
Так цезарь с папою — две части божества, —
Со страхом шар земной приемлет их права,
Быть императором! Как близко чую власть я!..
А вдруг не суждено мне стать им? О несчастье!
Да, как он счастлив был, здесь спящий человек!
И как он был велик — в прекрасный давний век!
Власть императора и папы нерушима.
Они превыше всех. Живут в них оба Рима.
Таинственный союз их вяжет меж собой;
Они слепили мир и стали в нем душой.
Народы и царей расплавив, как в горниле,
Европу новую они для нас отлили,
Прибавив в этот сплав могуществом своим
Ту бронзу, что векам оставил древний Рим.
Завидная судьба!.. И все ж — конец, могила!
К какой же малости пришла вся эта сила!

Быть императором, быть принцем, королем,
Законом быть земли и быть ее мечом,
В Германии стоять гигантом, слыша клики,
Быть новым Цезарем, быть Карлом, быть Великим,
Страшнее Аттилы, славней, чем Ганнибал,
Огромным, словно мир, — чтоб здесь ты прахом стал!
Желай могущества, чтоб лечь таким же прахом,
Как император лег! Покрай всю землю страхом
И славой, строй, крепи свой мир в избытке сил,
Но не мечтай сказать: «Я все уже совершил!»
Ввысь здание веди своими же руками;
Но знай, что от него останется лишь камень
Могильный с надписью, завещанной векам,
Чтобы дитя ее читало по складам.
Как ни прекрасна цель, живет в вас гордость злая, —
Она уходит в смерть. О власть, власть мировая!
Уже я близок к ней. Ее касаюсь я,
И что-то шепчет мне: «Она уже твоя!»
Ах, если б было так! Встать твердо, без сомнений,
Над миром государств, идущих как ступени,
И своду быть замком, и видеть под собой
Земных властителей вниз уходящий строй;
Пятою попирать всех королей, под ними
Всех феодалов, всех, кто гордо носит имя
Бургграфа, герцога иль дожа, кто почтен
Епископским жезлом, кто граф или барон,
А ниже — мелузгу, плебеев в общей груде,
Тех там, на дне, кого зовем мы просто «люди»...
А люди — это толп дыханье, моря вой,
Немолчный гул, и плач, крик, горький смех порой,
Стенания, что сон земли тревожат старой
И в уши королей врываются фанфарой;
Да, люди — города, деревни, башен ряд
И с высоты церквей растущий вширь набат.

(Задумывается.)

Опора нации, народ, терпя обиды,

Выносит на плечах всю тяжесть пирамиды;
Живые волны сам, колеблет средь зыбей
Ее величие подвижностью своей,
Сдвигает с места все; на гранях вознесенных,
Как жалкую скамью, так потрясает троны,
Что короли, забыв раздоры, войн каприз,
Вздымают к небу взор. Смотрите лучше вниз!..
Народ!.. То океан. Всечасное волненье:
Брось что-нибудь в него — и все придет в движенье.
Баюкает гроба и рушит троны он,
И редко в нем король прекрасным отражен.
Ведь если заглянуть поглубже в те потемки, —
Увидишь не одной империи обломки,
Кладбище кораблей, опущенных во тьму
И больше никогда не ведомых ему...
И этим управлять! Коль выпадет избранье,
Ты, слабый человек, высот достигнешь зданья.
А пропасть — под ногой... О, только б в этот час
Величием таким не ослепило глаз!
О пирамида стен, внизу которой море!
Вершина так узка, ступне неверной — горе!
За что ж держаться мне? Что если, ослабев,
Услышу под собой земли растущий гнев,
Ее живущих недр движенье, содроганье?
Что делать, коль дадут мне шар тот в обладанье?
Смогу ль его поднять? Под тяжестью не пасть?
Быть императором? И так трудна мне власть...
Нет, нужно быть иным, чтоб, не смутись душою,
Свой дух соразмерять с удачею такою.
Но я? Великим быть? О, кто мои мечты
Направит, укрепит?

(Падает на колени перед гробницей.)

Да, Карл Великий, ты!
О, так как ты решил, наперекор препядам,
Что мы сейчас стоять должны с тобою рядом,
Наполни грудь мою, из сумрака могил,

Величием своим, порывом гордых сил!
Дай мир постигнуть мне, но с зоркостью своею.
Он мал, но я его коснуться все ж не смею.
Столпотворения мне покажи черед,
Что ввысь от пастуха до цезаря идет,
Где каждый горд собой на собственной ступени,
Глядит на низшего в насмешливом презреньи.
Открой мне тайну жить, царить и побеждать!
Скажи, что лучше гнать врагов, чем их прощать.
Ведь так? Коль может вдруг во тьме своей гробницы
Героя тень от гроз подземных пробудиться
И, камень отвалив, что ей налег на грудь,
Огромной молнией в смятенный мир сверкнуть, —
Когда уж нет тебя, Германии владыки, —
Скажи, возможно ль что свершить мне, Карл Великий?
Скажи, хотя б твоё дыхание могло,
Сорвавши гроба дверь, разбить мое чело!
Позволь мне одному в твой склеп стопой несмелой
Войти и увидать твой лик окаменелый.
Не отметай меня дыханием своим;
На ложе каменном привстань. Поговорим!
Хотя бы ты сказал и голосом и взглядом
О том, что душу нам мертвят могильным хладом, —
Я выслушаю все, — лишь не слепи меня
Сверканьем вечного в твоей могиле дня!
Но если промолчишь, позволь тогда смиренно
Взирать на череп твой, вместилище вселенной.
Позволь измерить мне величие твое —
Всех выше дел земных твое небытие.
Когда не тень твоя, пусть прах мне скажет слово!

(Вставляет ключ в замок.)

Войдем!

(Колеблется.)

О небо! Вдруг прошепчет он сурово,
Вдруг встанет и пойдет, высокий и прямой,

И выйду я на свет с седою головой!
 Но все ж — войдем!
 Слышны шаги
 Кто там, в гробнице одинокой,
 Такого мертвца тревожит сон глубокий?
 И в этот час!
 Шаги приближаются.
 Ах, да! Меня убить хотят!
 Войдем!

(Открывает дверь гробницы и, войдя внутрь, притворяет ее за собой.)

Тихо ступая, входят несколько человек, закутанных в плащи, в шляпах, опущенных на глаза.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Заговорщики.

Они входят один за другим, пожимают друг другу руки и обмениваются шепотом несколькими словами.

Первый

(с зажженным факелом в руке)

Ad augusta.

Второй

Per angusta.

{К трону — Узкими путями (лат.).}

Первый

Хранят
 Святые нас!

Третий

И те, кто мертв.

Первый

И небо даже.

В темноте слышатся шаги.

Второй

Кто там?

Голос во тьме

Ad augusta.

Второй

Per angusta.

Входят новые заговорщики. Опять слышатся шаги.

Первый

На страже

Нам надо быть.

Третий

Кто там?

Голос во тьме

Ad augusta. Я свой.

Третий

Входи скорей.

Входят новые заговорщики. Они обмениваются знаками с присутствующими.

Первый

Ну вот. Все в сборе. Гота, твой
Почин. Друзья мои, тьма просит освещенья.

Заговорщики рассаживаются полукругом на могильных плитах. Первый из них обходит остальных, и каждый от его факела зажигает свечу, которую держит потом перед собой. Затем тот, кто был с факелом, молча садится в середине полукруга на гробницу, которая выше других.

Герцог Гота

(вставая)

Король испанский Карл, нам чуждый по рожденью,
К святой империи стремится.

Первый

Он умрет!

Герцог Гота

(бросает свою свечу на землю и топчет ее ногой)

Такой же для него в свой час конец придет!

Все

Да будет так!

Первый

Смерть!

Герцог Гота

Смерть!

Все

Пусть служит ей приманкой!

Дон Хуан де Аро

Германцем был отец.

Герцог Люцельбургский

А мать была испанкой.

Герцог Гота

Уж не испанец он, не немец он для нас.
Смерть!

Один из заговорщиков

Если же ему имперский трон сейчас
Дадут?

Первый

Они? Ему?

Дон Хиль Тельес Хирон

Он не увидит трона.
Отрубим голову, а с ней падет корона.

Первый

Священный трон заняв, он сделаться бы мог
Священнейшим, кого единый судит бог!

Герцог Гота

Нет, раньше, встретив смерть, простится он с мечтами.

Первый

Его не изберут!

Все

Не будет править нами.

Первый

Так сколько нужно рук, чтоб пал он с тех вершин?

Все

Одна.

Первый

И сколько же ударов в грудь?

Все

Один.

Первый

Кто нанесет его?

Все

Мы все.

Первый.

Час воздаянья!

Там трон творят, а мы — свершители закланья.

По жребию...

Заговорщики пишут свои имена на листках, складывают их и один за другим бросают в одну из могильных урн.

Молись!

Все становятся на колени. Затем первый встает.

Пусть с богом он идет, —

Разит, как римлянин, и, как еврей, умрет!

Пусть не страшат его колеса, дыба, клещи,

Пусть гимн поет в тисках средь факелов зловещих;

Убив, пусть встретит смерть недрогнувшей душой, —

Исполнит долг свой.

(Вынимает жребий из урны.)

Все

Кто?

Первый

(громким голосом)

Эрнани!

Эрнани

(выступая вперед из толпы заговорщиков)

Жребий мой!

Мой враг в моих руках. Я мести ждал, о боже,
Так долго!

Дон Руй Гомес

(протискивается сквозь толпу и отводит Эрнани в сторону)

Уступи удар мне.

Эрнани

Он дороже
Мне жизни! И пускай не мучит зависть вас.
Ведь счаствие ко мне приходит в первый раз!

Дон Руй Гомес

Ты нищ. Я дам тебе и замки, и владенья,
И тысячи крестьян, и земли, и селенья,
Чтоб ты один удар сейчас мне уступил.

Эрнани

Нет!

Герцог Гота

Для него, старик, не обретешь ты сил.
Ты слаб!

Дон Руй Гомес

Я духом тверд, пусть руки слабы стали.
По ржавчине ножон ты судишь о кинжале.

(К Эрнани)

Ты мне принадлежишь!

Эрнани

Я — вам. Но мне — мой враг.

Дон Руй Гомес

Послушай, друг, твой рог я возвращаю...

Эрнани

(колеблясь)

Как!

Ты возвращаешь жизнь? Нет! Я хочу отмщенья!
То небом решено — и нет мне отступленья.
То мщенье за отца... иль больше — видит бог!
Ее ты мне вернешь?

Дон Руй Гомес

Я возвращаю рог.

Эрнани

Нет!

Дон Руй Гомес

Взвесь мои слова!

Эрнани

Добычу должен взять я.

Дон Руй Гомес

Ты счастье взял мое — прими ж теперь проклятье!

(Снова засовывает рог за пояс.)

Первый

(к Эрнани)

Брат! Прежде, чем его почтут избраньем там,
Ты должен Карлоса сегодня...

Эрнани

Знаю сам!

Его столкнуть смогу я в область тьмы и тлена.

Первый

Пусть на изменника падет его измена,
 И бог поможет нам! Пусть каждый граф, барон
 Заменит мстителя, коли погибнет он!
 Друг друга заменять клянемся без изъятья, —
 И Карлос пусть умрет.

Все

(вынимая шпаги)

Клянемся!

Герцог Гота

(к первому)

Чем же, братья?

Дон Руй Гомес

(берет свою шпагу за острие и поднимает ее над головой)

Клянемся все крестом!

Все

(поднимая свои шпаги)

Пусть он в грехе умрет!

Сышен отдаленный пушечный выстрел. Все замирают. Дверь гробницы приоткрывается, и дон Карлос, бледный, появляется на пороге. Второй выстрел. Третий выстрел. Дон Карлос распахивает дверь настежь и остается на пороге.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Заговорщики, дон Карлос; потом дон Рикардо, вельможи и стражи; король Богемский, герцог Баварский, потом дона Соль.

Дон Карлос

Сеньоры, что же вы? Вас император ждет.

Все факелы разом гаснут. Глубокое молчание. Король делает шаг в темноту, настолько густую, что в ней с трудом можно различить неподвижных и онемевших заговорщиков.

Молчание и ночь! Вы — мрака порожденье,
 Иль думаете вы, что это сновиденье,
 Что всех я вас приму среди теней ночных
 За изваяния на плитах гробовых?
 Нет, камни не ведут такие разговоры.
 И все же вам поднять свои придется взоры.
 Карл Пятый здесь стоит — разите же скорей!
 Как, вы не смеете? Вам и не быть смелей.
 Десятком факелов вы своды озаряли;
 Мне стоило дохнуть — и все они пропали.
 Смотрите, в вашем я испуганном кругу
 Их много погасил, но больше их зажгу!

(Ударяет железным ключом в бронзовую дверь склепа.)

При этом звуке все пространство подземелья наполняется солдатами с факелами и алебардами. Впереди герцог Алькала и маркиз де Альмуньян.

Ко мне, о соколы! Здесь и гнездо и птица.

(Заговорщикам.)

Свой свет зажгу и я. Могила озарится.
 Смотрите!

(Солдатам.)

Вот сюда. Они в руках у нас.

Эрнани

(глядя на солдат)

Один, без стражи, был он лучше, чем сейчас.
 Великим Карлом он встал предо мной сначала, —
 Теперь лишь Пятый Карл.

Дон Карлос

(герцогу Алькала)

Мой коннетабль, Алькала!

(Маркизу Альмуньяну)

Кастильи адмирал! Обезоружьте их!
Заговорщики окружены и обезоружены.

Дон Рикардо

(вбегая, отвешивает поклон до земли)

О император мой!

Дон Карлос

Алькад дворцов моих!

Дон Рикардо

(кланяясь)

Два избирателя, полны благоговенья,
Вам принести свое приходят поздравленье.

Дон Карлос

Впусти их.

(Дону Риккардо, тихо)

Донья Соль!

Рикардо кланяется и уходит. С факелами и фанфарами появляются король Богемский и герцог Баварский, оба в парче, с коронами на головах. Многочисленная свита германских вельмож несет имперское знамя — двуглавый орел с гербом Испании на груди. Солдаты расступаются и, выстроившись шеренгой, дают проход к императору двум избирателям, те склоняются перед ним. Он приветствует их, приподняв шляпу.

Герцог Баварский

Священны вы сейчас,
Карл, император наш! Теперь в руках у вас
Весь мир — и римская священная корона.

Кто б из властителей желал иного трона?
Сначала Фридрих был Саксонский наречен.
Сочтя достойным вас, отрекся тотчас он.
Король, примите же корону и державу!
Империя сейчас венчает вас по праву,
Дает порфириу, меч. Вас выше в мире нет.

Дон Карлос

Я, возвратясь, приду благодарить совет.
Кузен Баварский мой, я рад, что ты со мною,
Как, брат Богемский, вам обязан я — не скрою.

Король Богемский

Карл! Дружбой связаны мы были вековой,
Отец — с твоим отцом, и деды меж собой.
Ты юн, ты на пути, всегда враждой объятыом, —
Ты хочешь, буду я тебе средь братьев братом?
Я с детства знал тебя и не могу забыть...

Дон Карлос

(прерывая его)

Король Богемии, нельзя ль скромнее быть?

(Протягивает руку для поцелуя сначала ему, потом герцогу Баварскому, затем отпускает обоих избирателей, которые отвешивают ему низкий поклон.)

Идите же!

Оба избирателя уходят вместе со своей свитой.

Толпа

Виват!

Дон Карлос

(в сторону)

Сбылось! Мне трон достался!
Я император, да, раз Фридрих отказался!

Входит донья Соль, сопровождаемая доном Рикардо.

Донья Соль

Здесь император! Он! Что вижу! Жизнь моя,
Эрнани!

Эрнани

Донья Соль!

Дон Руй Гомес

(рядом с Эрнани, тихо)

И незамечен я...

Донья Соль бежит к Эрнани. Взглядом, полным недоверия, он заставляет ее отшатнуться.

Эрнани

Сеньора!

Донья Соль

(выхватывая кинжал, спрятанный на груди)

Тот кинжал со мной.

Эрнани

(протягивая ей руки)

О дорогая!

Дон Карлос

Молчите все!

(Заговорщицким)

А, вы притихли, ожидая?
Сейчас большой урок мной будет миру дан.
О Лара, Гота — вы, сыны высоких стран,
Что делали вы здесь?

Эрнани

(делая шаг вперед)

Скажу без колебанья, —
Нам нечего скрывать, не трудно нам признанье.
Мы Валтасаровы слова пришли писать,

(вынимает кинжал и рассекает им воздух)

Дать Кесарю все то, что должно отдавать.

Дон Карлос

Довольно!

(Дону Руй Гомесу)

Сильва, ты?

Дон Руй Гомес

Двоим нам места мало.

Эрнани

(обращаясь к заговорщикам)

Власть, наши головы — всё жизнь ему послала.

(Императору.)

Когда-то горностай носили вы с трудом,
Но пурпур к вам идет: кровь не видна на нем.

Дон Карлос

(дону Руй Гомесу)

О Сильва, мой кузен, в коварстве неуклонном
Не заслужили вы, чтоб дольше быть бароном!
Вы изменили мне, ваш герб ошибкой дан.

Дон Руй Гомес

Родриго-королем граф создан Хулиан.

Дон Карлос

(герцогу Алькала)

Берите только тех, кто носит чести имя;
А прочих...

Дон Руй Гомес, герцог Люцельбургский, герцог Гота, дон Хуан де Аро, дон Гусман де Лара, дон Тельес Хирон, барон Гогенбург отделяются от группы заговорщиков, среди которых остается Эрнани. По знаку герцога Алькала стража тесно их окружает.

Донья Соль

(в сторону)

Он спасен!

Эрнани

(выступая вперед из группы заговорщиков)

Меня считайте с ними.

Когда взнесен топор, то я, пастух простой,
Могу со знатными равняться здесь виной!
Чтоб быть на уровне секиры, их разящей,
Сейчас во весь свой рост я встану настоящий.
Бог скипетр дал тебе. Меня же сделал он
Сегорбы герцогом, Кардоны; я рожден
Маркизом Монруа и графом Альбатера;
Да, я виконт де Гор — здесь честь моя и вера;
Принц Арагонский я; в изгнанье я рожден,
Сын изгнанный отца, который был казнен
Твою волею, о Карл, король Кастилий!
Преградой меж собой мы мщенье положили;
У вас был эшафот, у нас стальной кинжал.
Рожденный герцогом, я здесь бандитом стал.
Но так как тщетно я точил о скалы шпагу
И закалял в ручьях своих клинов отвагу, —
(надевает шляпу; другим заговорщикам)
Накройтесь; гранды мы!

Все испанцы надевают шляпы.

(*Карлосу.*)

С покрытой головой
У нас есть право пасть на плахе пред тобой.

(*Пленникам.*)

Я, Сильва, Лара, ваш по праву рода, чести, —
Хуан Арагонский я; я, графы, с вами вместе.

(*Свите короля и страже.*)

Хуан Арагонский я! Король! О палачи,
Расширьте эшафот. Точите все мечи!

(*Присоединяется к арестованным вельможам.*)

Донья Соль

О небо!

Дон Карлос

Я забыл, что есть вражда меж нами.

Эрнани

Но тот, кто оскорблен, хранит ее годами.
Обида — пусть о ней обидчик позабыл —
В обиженной груди рождает прежний пыл.

Дон Карлос

Но я властитель твой, я сын отцов, что были
Грозой твоим отцам и часто их казнили.

Донья Соль

(*бросаясь на колени перед императором*)

Прощенье, властелин! Молю вас всей душой!
Пусть с ним умру и я! Возлюбленный он мой,
Супруг мой. Им одним дышу я. Что за муки!
О, если б нас убить могли вы без разлуки!

Я здесь у ваших ног, я умоляю вас!
Как вам империя, мне дорог он сейчас!
Прощенье!

Дон Карлос пристально смотрит на нее.

Что за мысль во взгляде вашем стынет?

Дон Карлос

Что ж! Альбатеры цвет, Сегорбы герцогиня,
Маркиза Монруа, — вставайте, донья Соль!

(К Эрнани.)

Все имена, Хуан?

Эрнани

Кто говорит? Король?

Дон Карлос

Нет, император.

Донья Соль

(поднимаясь)

О!

Дон Карлос

(показывая на нее Эрнани)

Вот, герцог, вам супруга!

Эрнани

(обращая взор к небу, заключает донью Соль в свои объятия)

О небо!

Дон Карлос

(дому Руй Гомесу)

Мой кузен, они любить друг друга
Достойны. Сильвы честь не снизит Арагон.

Дон Руй Гомес

(*мрачно*)

Не честь моя скорбит.

Эрнани

(глядя с любовью на донью Соль, обнимает ее)

С врагом я примирен!

(*Отбрасывает кинжал.*)

Дон Руй Гомес

(глядя на обоих, про себя)

Дать волю гневу? Нет! Безумное желанье!
Они лишь оскорбят твой возраст состраданьем.
Сгорай без пламени, от всех страданье скрой,
Будь тверд, чтоб не могли смеяться над тобой!

Донья Соль

(в объятиях Эрнани)

О герцог мой!

Эрнани

В душе — одной любви сиянье.

Донья Соль

О счастье!

Дон Карлос

(положив руку на грудь, про себя)

Погаси, душа, свое пыланье,
Пусть разума теперь царит холодный свет.

Взамен любовных дум, которых больше нет,
Германия со мной, и Гент мой, и Кастилья.

(*Устремив взор на свое знамя.*)

Я император, я орел, простерший крылья;
В груди своей несу не сердце — щит с гербом.

Эрнани

Вы кесарь!

Дон Карлос

(к Эрнани)

Дон Хуан, достоин ты во всем
Того, чем славен род.

(*Показывая на донью Соль.*)

И девушки прелестной.

Склонись!

Эрнани преклоняет колена. Дон Карлос, сняв с себя цепь Золотого руна,
надевает ее ему на шею.

Прими мой дар.

(*Обнажив шпагу, ударяет его три раза по плечу.*)

Служи мне, герцог, честно!
Вот званье рыцаря теперь тебе дано!

(*Подняв его, заключает в свои объятия.*)

С тобой иная цепь, и лучшее Руно,
Какого нет со мной, — пусть я наследник Рима, —
Объятье женщины, что любит и любима.
Ты счастье обретешь, я — лишь имперский трон.

(*Заговорщикам.*)

Имен не помню я. Месть, ненависть, закон —
Я все хочу забыть. Я всем дарю прощенье!

Вот то, что миру я сказал бы в поученье.
За Карлом Первым, чей был королевский трон,
Карл Пятый следует, и император он.
В глазах Европы всей величество в короне
Не сирота в слезах — империя на троне!

Заговорщики

(падают на колени)

Да здравствует наш Карл!

Дон Руй Гомес

(в сторону)

А мне какая честь?

Дон Карлос

И мне!..

Дон Руй Гомес

Как и ему, мне остается месть!

Эрнани

Кто всех нас изменил?

Все

(солдаты, заговорщики, вельможи)

Дружней поднимем клики
В честь Карла Пятого.

Дон Карлос

(обращаясь к гробнице)

Не я, а Карл Великий!
Оставьте нас вдвоем.

Все уходят.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Дон Карлос

(один, преклоняет колено перед гробницей)

Доволен ли ты мной?
 От королевских уз свободен я душой?
 Скажи, сумел ли я уйти от жизни старой?
 Соединил свой шлем я с римскою тиарой?
 На мировую власть имею ль право я?
 Уверен ли мой шаг? Пряма ль тропа моя
 Средь варварских руин, которую со славой
 Ты проложил для нас стопою величавой?
 От твоего ль огня я факел засветил?
 Твой голос понял ли, встающий из могил?
 Ах, я совсем один перед величьем власти.
 Я миром окружен, где воют, бьются страсти:
 Уплаты ищет Рим, пора смирить датчан,
 Франциск, Венеция, там Лютер, Сулейман,
 Там тысячи клинков во мраке ждут чего-то,
 Ловушки, западни, враги, враги без счета,
 Десяток стран, что страх внушают королям.
 И этим хаосом я должен править сам!
 Я спрашивал тебя: в чем тайна управленья,
 С чего начать? И ты ответил мне: «С прощенья!»

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ. СВАДЬБА

Сарагоса

Терраса Арагонского дворца. В глубине балюстрада лестницы, теряющаяся в саду. Направо и налево двери, выходящие на террасу, которую в глубине сцены замыкает балюстрада с двумя рядами мавританских арок; сквозь них видны

дворцовый парк, фонтаны в тени деревьев, боскеты с блуждающими среди них фонариками, и в глубине — готические и арабские вышки освещенного дворца.

Ночь. Слышны отдаленные фанфары. Маски, домино, рассыпанные тут и там, поодиночке или группами проходят по террасе. На авансцене группа молодых вельмож, с масками в руках, смеется и громко разговаривает.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Дон Санчо де Суньига, граф де Монтерей; дон Матиас Сентурион, маркиз де Альмуньян; дон Рикардо де Рохас, граф де Касапальма; дон Франсиско де Сотомайор, граф де Велалькасар; дон Гарсия Суарес де Карбахаль, граф де Пеньяльвер.

Дон Гарсия

О счастья светлый день! Да здравствует невеста!

Дон Матиас

(смотрит с балкона)

Вся Сарагоса здесь. На улицах нет места.

Дон Гарсия

При свете факелов нет свадьбы веселей,
Нет ночи сладостней, влюбленных нет милей!

Дон Матиас

Всё император наш!

Дон Санчо

Когда в ночном покое
Для хитростей любви с ним вместе шли мы двое,
Кто мог бы нам сказать, чем кончится игра?

Дон Рикардо

(прерывая его)

Я был там.

(Другим.)

Слушайте. Все рассказать пора.
Три сердца пылкие: король, бандит, придворный,
Одною женщиной плененные, упорно
Стремились к ней — и кто ж из них достиг побед?
Бандит!

Дон Франиско

Но странного, мне кажется, здесь нет.
И счастье и любовь, куда ни кинешь взоры, —
Взлет меченых костей. Выигрывают воры!

Дон Рикардо

Достиг богатства я среди чужих улад.
Сначала граф и гранд, потом в дворце алькад.
Я даром времени не потерял, признаться.

Дон Санчо

Старались королю вы чаще попадаться —
Вот тайна.

Дон Рикардо

Никому не уступал я прав.

Дон Гарсия

И жили вы всегда за счет его забав.

Дон Матиас

А старый герцог где? Ступил на край могилы?

Дон Санчо

Маркиз, не смейтесь так! Он полон гордой силы.
Он доныню Соль любил. Он шесть десятков лет
Был черен волосом — и стал за сутки сед.

Дон Гарсия

Но в Сарагосе здесь его уж не видали?

Дон Санчо

Ужели гроб ему поставить в брачной зале?

Дон Франиско

А император наш?

Дон Санчо

Сегодня грустен он;
Ведь Лютер на него всегда наводит сон.

Дон Рикардо

О Лютер! Вечно он предмет забот и скуки!
С тремя солдатами его бы взял я в руки!

Дон Матиас

И Сулейман его тревожит...

Дон Гарсия

Сулейман!
Что Лютер, что Нептун, что царь подземных стран!
Зачем мне все они? Ведь женщины прекрасны,
Так весел маскарад, и я шучу всесчно.

Дон Санчо

Вся в этом суть.

Дон Рикардо

Он прав. Я сам уже не тот.
Когда день празднества порою подойдет,
Чуть маску нацепил — и голова другая.
Вот странно!

Дон Санчо

(*дону Матиасу, тихо*)

Если б жил он, маски не снимая!

Дон Франиско

(*показывая на правую дверь*)

Не это ль комната супругов молодых?

Дон Гарсия

(*кивает головой*)

Сейчас они пройдут.

Дон Франиско

И мы увидим их?

Дон Гарсия

О да!

Дон Франиско

Я очень рад. Невеста так прекрасна!

Дон Рикардо

А император добр. Эрнани — враг опасный,
И — с Золотым руном! С невестою! Прощен!
Будь император я, давно лежал бы он
На ложе из камней, она б — в шелках лежала.

Дон Санчо

(*дону Матиасу, тихо*)

О, если б мне его пронзить клинком кинжала!
Из грубой мишуры его создатель сшил;
Одеждою он граф, умом он альгасил.

Дон Рикардо

(*приближаясь*)

О чём вы?

Дон Матиас

(*дому Санчо, тихо*)

Здесь, мой граф, не место ссоре жаркой.

(*Дому Рикардо*)

Он мне читал сонет, написанный Петrarкой.

Дон Гарсия

Заметили ли вы, сеньоры, меж кустов,
Меж роз и юных дев, меж платьев всех цветов
Тот призрак в домино над балюстрадой сада,
Что траурным пятном стоит средь маскарада?

Дон Рикардо

Да, черт возьми!

Дон Гарсия

Кто он?

Дон Рикардо

Когда я угадал,
То — дон Пранкасио, наш славный адмирал.

Дон Франиско

Нет!

Дон Гарсия

Маски он не снял.

Дон Франиско

Он этого не хочет.
То — герцог Сома; он о славе лишь хлопочет
И жаждет взор привлечь.

Дон Рикардо

О нет!

Дон Гарсия

Кто б это был?

Под маской!.. Тише, он!

Черное домино медленно проходит по террасе в глубине сцены. Все оборачиваются и следят за ним глазами, чего оно, по-видимому, не замечает.

Дон Санчо

Когда жильцы могил

Выходят, вот их шаг...

Дон Гарсия

(подбегает к Черному домино)

Стой, маска!

Черное домино оборачивается. Гарсия отступает.

Между нами,

Сеньоры: у него в глазах сверкнуло пламя!

Дон Санчо

Коль дьявол он, я с ним поговорю.

(Направляется к Черному домино, которое стоит неподвижно.)

Сквозь сад

Идешь из ада ты?

Маска

Нет, не из ада — в ад!

(Продолжает свой путь и исчезает за перилами лестницы.)

Все с ужасом следят за нею.

Дон Матиас

Могильной мрачностью слова его звучали.

Дон Гарсия

Что страшно в час иной, смешно на карнавале.

Дон Санчо

Плохая шутка!

Дон Гарсия

Что ж! Коль это Сатана

Пришел смотреть наш пляс, — пока нам жизнь дана,
Мы будем танцевать!

Дон Санчо

Смеется он над нами.

Дон Матиас

Узнаем завтра все.

Дон Санчо

(*донау Матиасу*)

Нет, посмотрите сами,
Что сделал он сейчас?

Дон Матиас

(*подойдя к балюстраде*)

Сошел, угрюм и нем, —
И больше ничего.

Дон Санчо

Забавно!

(*Задумчиво.*)

Не совсем.

Дон Гарсия

(проходящей мимо dame)

Маркиза, танец мой?

(Кланяется ей и предлагает руку.)

Дама

О граф, когда мы вместе,
За нами муж следит и думает о мести.

Дон Гарсия

Вот лишний повод нам быть вместе. Он же рад,
Что дело есть ему. Идемте.

Дама подает ему руку, и они уходят.

Дон Санчо

(задумчиво)

Странный взгляд
У этой маски был.

Дон Матиас

Они идут. Вниманье!

Входят Эрнани и донья Соль, под руку. Донья Соль в пышном свадебном наряде; Эрнани в черном бархате с ног до головы, с цепью Золотого руна на шее. Позади них — толпа масок, дам и сеньоров, образующих свиту. Два богато одетых пажа следуют за ними, четыре негра предшествуют им. Присутствующие выстраиваются в ряд и приветствуют их поклонами. Фанфары.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Te же, Эрнани, донья Соль; свита.

Эрнани

(приветствуя всех)

Друзья мои!

Дон Рикардо

(подходя и кланяясь)

Ты в нас рождаешь ликованье!

Дон Франиско

(любуясь доньей Соль)

Святой Иаков! Он Венеру вводит в дом!

Дон Матиас

Какая ждет их ночь вслед за подобным днем!

Дон Франиско

(показывая дону Матиасу на брачные покои)

Какие будут там лобзания и речи!

Стать феей, видеть все — как дверь закрылась, свечи
Погасли, — что милей?

Дон Санчо

(дому Матиасу)

Уж поздно. Мы идем?

Все приветствуют новобрачных и уходят — одни в дверь, другие по лестнице в глубине сцены.

Эрнани

(проводя их)

Пускай хранит вас бог!

Дон Санчо

(уходя последним, жмет ему руку)

Будь счастлив!

(Уходит.)

Эрнани и донья Соль остаются одни. Шаги и голоса удаляются, потом замолкают. В начале следующей сцены постепенно умолкают фанфары, и гаснут одни за другими удаляющиеся огни. Понемногу наступают молчание и ночь.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Эрнани, донья Соль.

Донья Соль

Мы вдвоем!

Ушли.

Эрнани

(пытаясь привлечь ее в свои объятия)

Моя любовь!

Донья Соль

(краснеет и отступает)

Сейчас... ночной порою...

Эрнани

Мой ангел, ночь пришла, и вместе мы с тобою.

Донья Соль

О, как усталая я! Не правда ль, дорогой,
Все это празднество души мрачит покой?

Эрнани

Да, счастье не всегда легко сносить бывает.
Лишь в бронзовых сердцах оно свой след врезает.
Восторг страшит его, плетя гирлянды роз;

В его улыбке смех, а также близость слез.

Донья Соль

Твоя ж улыбка — день!

Эрнани пытается увлечь ее к двери. Она краснеет.

О, подожди немногого!

Эрнани

Ах, я твой верный раб! Нет, не гляди так строго!

Все будь по-твоему. Я не хочу просить.

Ты над собой властна. Как скажешь, так и быть.

Когда захочешь ты, я петь, смеяться стану.

Душа моя горит. Скажи «смирись!» вулкану —

И он закроет зев, что был пылать готов,

Покрыв бока свои ковром живых цветов.

Везувий стал рабом, для нежных чувств забавой,

И можешь ты не знать, что грудь в нем дышит лавой.

Цветов твой хочет взор? Прекрасно! Пусть кипит

Гроза в его груди, — но будет зелен вид.

Донья Соль

Со слабой женщиной вы стали добрым, милым,

Эрнани, сердца друг!

Эрнани

Что в имени постылом?

Не называй меня Эрнани! Что мне в нем?

Ты вспоминаешь то, что сам считал я сном.

Я знаю, жил такой Эрнани, и, бывало,

Бесстрашный взор его сверкал клинком кинжала;

Изгнаником он жил в ночной тиши, средь скал,

И только слово «месть» вокруг себя читал;

Проклятье вслед за ним влачилось по стремнине.

Эрнани больше нет. И я люблю отныне

Лишь песню соловья, леса, цветущий луг.

Принц арагонский я и доны Соль супруг!

Я счастлив!

Донья Соль

Счастлива и я!

Эрнани

Какое дело

До тряпок мне, что я у входа сбросил смело?
В давно покинутый я возвратился зал.
Небесный херувим меня у двери ждал.
Из праха я воздвиг разбитые колонны,
Зажег огонь, раскрыл ряд окон запыленных
И вырвал на дворе растущую траву.
Восторгом, радостью и счастьем я живу.
Пусть замки мне вернут, где раньше предки жили,
И пусть с почетом я войду в совет Кастилий.
Иди ко мне на грудь, с пылающим лицом.
Пускай оставят нас! Забудем все кругом,
Я нем, я ослеплен, вновь жить я начинаю.
Все стер я, все забыл. Безумье? Ум? Не знаю.
Люблю вас! Вы моя! Душа моя полна!

Донья Соль

(рассматривает цепь на его шее)

На черном бархате горит огонь Руна!

Эрнани

Украшен и король цепочкой был такою.

Донья Соль

Не замечала я. Была к нему слепою.
А бархат или шелк — не все ли мне равно?
Лишь на твоей груди заметно мне Руно.
Ты благороден, горд, сеньор мой!
Он хочет увлечь ее.
Лишь мгновенье

Постой! Ты видишь, друг, я плачу от волненья.
Смотри, какая ночь!

(*Идет к балюстраде.*)

Мой герцог, подожди,
Дай мне взглянуть вокруг, услышать ночь в груди!
Погасли все огни, все звуки карнавала.
Здесь только ночь и мы. Блаженство нас объяло.
Не кажется ль тебе — природа в тихий час
Со счастья нашего не сводит нежных глаз?
Луна на небесах погружена в мечтанье,
Как мы, вдыхает тьму и роз благоуханье.
Смотри, огней уж нет. Повсюду тишина.
Лишь подымается задумчиво луна.
Пока ты говорил, лучи ее дрожали
И с голосом твоим мне в сердце проникали.
Спокойной я была, веселой, милый мой,
И умереть в тот миг хотела бы с тобой!

Эрнани

Несешь забвение ты голосом прелестным!
Он кажется таким далеким и небесным.
Как путник в челноке, теченьем увлечен,
Скользит по воле струй, когда закат зажжен,
И берегов следит кудрявых очертанья,
Так весь я погружен душой в твои мечтанья.

Донья Соль

Уж слишком тихо все, и слишком мрак глубок.
Хотел бы ты звезды увидеть огонек?
Иль голос услыхать, и нежащий и странный,
Летящий издали?

Эрнани

(*с улыбкой*)

О друг непостоянный!

Ты только что бежать хотела от людей!

Донья Соль

От бала! Но туда, где птицы средь полей,
Где соловей в тени томится песней страстной
Иль флейта вдалеке!.. О, с музыкой прекрасной
Нисходит в душу мир — и, как небесный хор,
Встают в ней голоса и рвутся на простор.
Ах, если б услыхать...
В ночи слышен звук далекого рога.

Эрнани

(содрогаясь, *про себя*)

О горе!..

Донья Соль

Ангел сам исполнил все мечтанья,
Твой добрый ангел, друг.

Эрнани

(с горечью)

Мой ангел!
Снова звук рога.

(*В сторону*)

Вот опять!

Донья Соль

Могла ли, дон Хуан, я рог ваш не узнать?

Эрнани

Не правда ль?

Донья Соль

Это вы — участник серенады
Такой прелестной?

Эрнани

Как?

Донья Соль

О, эти маскарады!
Люблю я дальний рог, поющий в тьме лесной!
Он ваш и мне знаком, как голос дорогой.
Рог слышен снова.

Эрнани

(*про себя*)

Там бродит злобный тигр и шлет свое рычанье.

Донья Соль

То рога вашего, о дон Хуан, звучанье.

Эрнани

(поднимается с выражением ужаса на лице)

Эрнани называй меня! Эрнани я!
Вновь с этим именем слита душа моя.

Донья Соль

(*дрожа*)

Что слышу я!

Эрнани

Старик!

Донья Соль

Как мрачны ваши очи!
Что с вами?

Эрнани

Там старик смеется в мраке ночи.

Иль вы не видите?

Донья Соль

Ты бредишь? Что с тобой?
Какой старик?

Эрнани

Старик!

Донья Соль

О милый, милый мой,
Что в сердце ты таишь, скажи мне, умоляю,
Скажи!

Эрнани

Но я клялся...

Донья Соль

Клялся?

Тревожно следит за всеми его движениями. Эрнани внезапно останавливается и проводит рукой по лбу.

Эрнани

(в сторону)

Как быть, не знаю...
Нет, пощажу ее.

(Громко.)

Что говорил я? Нет!

Донья Соль

Вы говорили мне...

Эрнани

Нет... Это был лишь бред.

Я болен, может быть... Нет, не страшись, не надо.

Донья Соль

Что делать? Чем помочь? Служить тебе я рада.
Рог звучит снова

Эрнани

(*в сторону*)

Зовет! Я клятву дал! Зовет!

(*Ищет на поясе свой меч и кинжал.*)

Ах, где кинжал?
Конец, всему конец!

Донья Соль

О, как ты бледен стал!

Эрнани

То рана старая, огнем былым пылая,
Открылась...

(*В сторону.*)

Пусть уйдет она.

(*Громко.*)

О дорогая,
Послушай, где ларец, что я носил с собой
В дни горя и нужды?

Донья Соль

Я знаю, милый мой.
Что делать мне, скажи.

Эрнани

Там есть флакон стеклянный,
Где налит эликсир, целить способный раны,

Дай мне его скорей!

Донья Соль

Иду, иду, мой друг.

(*Уходит в дверь, ведущую в брачные покои.*)

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Эрнани

(один)

О, как я счастлив был! Как стал несчастен вдруг!

Уж пишут на стене мне роковое слово,

И вновь судьба глядит в лицо мое сурово!

(*Впадает в глубокую, мучительную задумчивость, затем вздрагивает.*)

Так! Но замолкло все. Шагов не слышно там.

Когда б то было сном!

На верхней ступени лестницы появляется Черное домино. Эрнани останавливается, словно оцепенев.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Эрнани, Маска.

Маска

«Что б ни предстало нам,

Когда б ты ни решил, в каком бы ни был месте,

Раз день уже настал для этой страшной мести,

Для гибели моей, — труби в мой рог тотчас.

Я — твой». Жильцы могил тогда слыхали нас.

Ну что же? Ты готов?

Эрнани

(*micho*)

То — он!

Маска

Пришел к тебе я,
В твой дом, сказать, что срок уже настал. Скорее!
Ты медлишь?

Эрнани

Хорошо. На мне твоя печать.
Что должен сделать я?

Маска

Ты можешь выбирать —
Кинжал иль этот яд. Я все принес с собою.
Мы вместе выйдем.

Эрнани

Да.

Маска

Молись.

Эрнани

Я тверд душою.

Маска

Твой выбор?

Эрнани

Яд.

Маска

Пусть так! Скорей дай руку. Вот!

(Подает Эрнани флакон. Тот берет его, побледнев.)

Пей!

Эрнани подносит флакон к губам, затем отшатывается.

Эрнани

Подожди, молю! Пускай заря взойдет!
Коль сердце есть в тебе и нежных чувств отрада...
Не привиденье ты, не выходец из ада,
Не проклятый мертвец, не демон, — и следа
Клейма ты не несешь со словом «никогда»;
Коль знаешь счастья ты полет неудержимый —
Любить, быть молодым, жениться на любимой,
Коль женщина с тобой блаженства знала дрожь, —
До завтра дай мне жить! А завтра ты придешь!

Маска

Все «завтра», «завтра»...
Нет! Срок этот — слишком дальний.
Сегодня же ты звон услышишь погребальный.
Зачем мне ночь терять? А если я умру —
Кто жизнь твою возьмет, как нужно, поутру?
Мне одному идти в могилу? Путь нам вместе.

Эрнани

Нет, демон, не с тобой. Я этой дикой мести
Не признаю.

Маска

Ах, так? Я понял все вполне!
Ужели так ничем ты и не клялся мне?
А голова отца? Ты позабыл, конечно?
О да, ты мог забыть: ведь юность так беспечна.

Эрнани

Отец! О мой отец!.. Теряю разум я.

Маска

Ты клятве изменил; черна душа твоя.

Эрнани

О!..

Маска

Коль в Испании нет ничего святого
И старых грандов сын уже не держит слова, —

(делает шаг, чтобы уйти)

Прощай!

Эрнани

Не уходи!

Маска

Тогда...

Эрнани

О злой старик,
Уйти теперь, когда я вижу счастья лик!..

Донья Соль возвращается, не замечая Маски, которая стоит в глубине сцены.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Те же и донья Соль.

Донья Соль.

Я не нашла ларца!

Эрнани

(в сторону)

Она! Она! О боже,
В какой ужасный миг!

Донья Соль

Что с ним? Его тревожит
Мой голос... Что в руке твоей? Блуждает взгляд!
Что держишь ты в руке, скажи мне?

Домино сбрасывает капюшон. Донья Соль, вскрикнув, узнает дона Руй Гомеса.

Это яд!

Эрнани

О боже!

Донья Соль

(к Эрнани)

О, скажи, какой ты тайной связан?
Что от меня скрывал?

Эрнани

Молчать я был обязан.
Жизнь мною отдана тому, кем я спасен,
И Сильве долг платить обязан Арагон.

Донья Соль

Вы не его, а мой! Отныне жизнью, кровью
Вы связаны со мной.

(*Дону Руй Гомесу.*)

Да, я сильна любовью.
Я защищу его, кто бы на пути ни стал!

Дон Руй Гомес

(оставаясь неподвижным)

Коль можешь, защищай. Но все же он клятву дал.

Донья Соль

То правда?

Эрнани

Я клялся.

Донья Соль

Нет, нет, ты, без сомненья,
Свободен от нее! То бред был, ослепленье!

Дон Руй Гомес

Идем!

Эрнани хочет уйти. Донья Соль пытается его удержать.

Эрнани

Оставь! Уйти я должен с ним сейчас.
Ему я слово дал. Отец мой слышит нас.

Донья Соль

(Дону Руй Гомесу.)

Уж лучше вам отнять тигренка у тигрицы,
Чем у меня того, с кем жизнь успела слиться!
Вы знаете ль, кто я? Жалела я всегда
И вашу седину и дряхлые года;
Была я девушкой невинной и покорной,
Но гневом и слезой сверкает взгляд мой черный.

(Выхватывает кинжал, спрятанный на груди.)

Вы видите кинжал? Бесчувственный старик,
Иль уж не страшен взгляд, что в сердце вам проник?
Смотрите же, дон Руй! Из одного мы рода.
Вы — дядя мне. Но пусть у нас одна природа —
Супруга моего коснуться я не дам.

(Отбрасывает кинжал и падает перед герцогом на колени.)

Ах, я у ваших ног! Явите милость нам!
Прощенье, о сеньор! Я женщина, слаба я,
Теряю силы я, насильно уступая,
Молю пощады я у ваших ног, в пыли!
О, если б сжалиться над нами вы могли!

Дон Руй Гомес

Что слышу, донья Соль?

Донья Соль

О, сжальтесь! Мы в Кастильи
Все резки на словах. Когда бы все забыли,
Вернули мне его! Ведь не были вы злы!
Пощады! Вы меня убейте вместе с ним!
Я так его люблю!

Дон Руй Гомес

Да, слишком!

Эрнани

Эти слезы...

Донья Соль

Нет, нет, я не хочу, чтоб те сбылись угрозы,
Чтоб умер ты. Нет! Нет!

(*Дону Руй Гомесу*)

Он будет невредим —
И вас я полюблю, быть может.

Дон Руй Гомес

Вслед за ним?
Остатками любви и дружбою небрежной
Хотите вы смирить порыв страстей мятежный?

(*Показывая на Эрнани.*)

Он лишь один вам мил! И счастлив он вполне.

А я? Иль, мните вы, приятна жалость мне?
Все будет у него: любовь, душа, корона.
Вам на меня взглянуть позволив благосклонно,
Он может, чтоб мою тем успокоить грудь,
Вам слово разрешить несчастному шепнуть,
Бродяге, что ему уж надоел немало,
С презрением плеснет остатки из бокала.
Бесчестие! Позор! Нет, надобно кончать.
Ну, пей!

Эрнани

Я слово дал. Хочу его сдержать.

Дон Руй Гомес

Скорей!

Эрнани подносит флакон к губам. Донья Соль отводит его руку.

Донья Соль

О, подожди! Внемлите мне вы оба.

Дон Руй Гомес

Нет, ждать я не могу. Уж он стоит у гроба.

Донья Соль

Мгновенье, о сеньор! Как жестоки сейчас
Вы оба! Слушайте, что я хочу от вас.
Мгновенье — вот и все, что женщине здесь надо,
Позвольте же сказать, что для души отрада,
Что в сердце у нее! О, дайте же сказать!

Дон Руй Гомес

(к Эрнани)

Я тороплюсь.

Донья Соль

Зачем так сердце мне терзать?

Что сделала я вам?

Эрнани

Ах, плач ее — терзанье!

Донья Соль

(снова удерживая его руку)

Мне многое сказать вам надо на прощанье.

Дон Руй Гомес

(к Эрнани)

Пора!

Донья Соль

(повиснув на руке Эрнани)

О дон Хуан, излиться дай душой,

И делай все тогда, что хочешь...

(Вырывает у него флакон.)

Мой он, мой!

(Высоко поднимает флакон перед взорами Эрнани и изумленного старика.)

Дон Руй Гомес

Когда две женщины решают дело чести,

Нам мужество искать в другом уж нужно месте.

Поклялся хорошо ты головой отца, —

Пойду к нему, чтоб он узнал все до конца!

Прощай!

(Делает несколько шагов к выходу, Эрнани удерживает его.)

Эрнани

Остановись!

(Донье Соль)

Мне ль отступить с позором?
Мне ль быть обманщиком, изменником и вором?
Иль хочешь, чтоб я шел, куда глаза глядят,
С клеймом на лбу моем? Отдай, верни мне яд,
Верни его — молю всем сердцем, всею страстью!

Донья Соль

(мрачно)

Ты хочешь?

(Пьет из флакона.)

Пей теперь!

Дон Руй Гомес

(в сторону)

Как? И она? Несчастье!

Донья Соль

(возвращает Эрнани наполовину опорожненный флакон)

Возьми его.

Эрнани

(дону Руй Гомесу)

Старик, смотри, как ты жесток!

Донья Соль

О милый, для тебя тут есть еще глоток!

Эрнани

(берет флакон)

Ах!

Донья Соль

Ты бы ничего мне не оставил в склянке.

Не знаешь сердца ты супруги-христианки,
Не знаешь страсти той, в чьих жилах Сильвы кровь.
Я первой выпила. Пей ты, моя любовь!
Пей, если хочешь...

Эрнани

О, что слышу я, несчастный!

Донья Соль

Ты этого хотел.

Эрнани

Но эта смерть ужасна!

Донья Соль

Нет, нет!

Эрнани

Но этот яд — прямой к могиле путь.

Донья Соль

Не вместе ли должны мы в эту ночь заснуть?
А где — не все ль равно?

Эрнани

За клятвопреступленье

Вот месть твоя, отец!

(Подносит флакон к губам.)

Донья Соль

О, страшные мученья!
Отбрось скорей флакон!.. Ах, я схожу с ума!
Остановись, Хуан! В той склянке смерть сама!
Дракон, стоглавый яд, в какой-то дикой страсти
Растет в груди моей, мне сердце рвет на части!
О, можно ль так страдать? Весь ад в душе моей!

Ах, что со мной сейчас? Огонь! Огонь! Не пей!
Нет, ты не вынесешь!

Эрнани

(*дону Руй Гомесу*)

Ты — порожденье ада!
Ужели для нее другого нету яда?

(*Пьет и отбрасывает флакон.*)

Донья Соль

Что сделал ты?

Эрнани

А ты?

Донья Соль

О милый мой, приди
В объятия мои!
Садяся рядом.
Ты слышишь боль в груди?

Эрнани

Нет.

Донья Соль

Это свадьбы час. Блаженств ночных начало.
Не слишком ли бледна я для невесты стала?

Эрнани

Ах!

Дон Руй Гомес

Час судьбы пробил.

Эрнани

Горит вся грудь моя!
Страдает доныня Соль — и это вижу я!

Донья Соль

Мне лучше, милый мой! Сейчас мы без усилия,
Чтоб вместе нам лететь, свои расправим крылья.
Вдвоем мы ринемся к иной, большой стране.
О, обними меня.

Обнимаются.

Дон Руй Гомес

Проклятие на мне!

Эрнани

(слабеющим голосом)

Благодарю судьбу за весь мой путь прекрасный
В изгнанье, средь врагов, в ночи, всегда опасной,
За то, что в час, когда я жизнью утомлен,
Здесь, на твоей груди, мне послан этот сон!

Дон Руй Гомес

Как счастливы они!

Эрнани

(все более слабеющим голосом)

Мне ночь легла на очи.
Страдаешь ты?

Донья Соль

(так же глухо)

Нет, нет.

Эрнани

Ты видишь свет средь ночи?

Донья Соль

Где?

Эрнани

(*со вздохом*)

Вот...

(*Падает.*)

Дон Руй Гомес

(*поднимает его голову, голова падает.*)

Он мертв.

Донья Соль

Он мертв? О нет! Он крепким сном
Заснул! О мой супруг! Как хорошо вдвоем!
Мы оба здесь легли. То свадьбы нашей ложе.

(*Голос ее звучит все глуше.*)

Зачем его будить, сеньор де Сильва? Боже,
Он так устал сейчас...

(*Поворачивает к себе лицо Эрнани.*)

Взгляни, любовь моя!
Вот так... в мои глаза...

(*Падает.*)

Дон Руй Гомес

Мертв!.. И проклят я!

(*Убивает себя.*)

[Виктор Гюго](#), 1830

ПРИМЕЧАНИЯ

Драма «Эрнани» была написана как бы в ответ на запрещение постановки «Марьон Делорм» — в августе-сентябре 1829 г. и поставлена 25 февраля 1830 г. (издана в сценическом варианте в том же году, а в первоначальной авторской редакции — в 1836 г.).

В напряженной атмосфере кануна июльской революции постановка «Эрнани» явилась политической демонстрацией, и это предопределило успех пьесы. В предисловии к «Эрнани» Гюго открыто объявил свой романтизм «либерализмом в литературе», а в самой драме изобразил отверженного обществом человека трагическим героем и соперником короля.

Появление «Эрнани» на сцене театра Французской Комедии, освященного вековой традицией классицизма, было воспринято как дерзкий вызов общественному мнению в литературных вопросах. Оно сыграло важную роль в литературно-театральной борьбе тех лет, выливвшись в решительное столкновение двух направлений в искусстве: реакционного в ту пору классицизма и демократического романтизма.

«Эрнани» — историческая драма только по именам некоторых действующих лиц и по историческим событиям, служащим фоном для вымышленного сюжета. По существу же это, как и «Марьон Делорм», произведение политически злободневное, хотя идейно и менее значительное, чем «Марьон Делорм». Обличение монархического произвола здесь ограничивается лишь первыми тремя актами и совершенно исчезает в последних двух; безнравственный и деспотичный король превращается в умного и справедливого императора, и герой примиряется с ним; наконец, снимается даже принадлежность героя к демократическим низам — он оказывается грандом Испании.

Политически компромиссный характер «Эрнани» явился отражением монархических иллюзий Гюго, накануне июльской революции возлагавшего большие надежды на смену династии. Драма обладает и рядом художественных недостатков. Уже Бальзак сурово осудил в ней сюжетные натяжки, неправдоподобие некоторых ситуаций, а также непоследовательность характера главного героя, вся «непримиримость» которого «падает при первом дуновении милости» со стороны короля. Но, по сравнению с условной классической трагедией тех лет, драма Гюго была смелой, новаторской и поразила современников своим страстным гуманизмом.

Действие «Эрнани» происходит в Испании начала XVI в., в период, названный Марксом «эпохой образования великих монархий, которые повсюду

воздвигались на развалинах враждовавших между собою феодальных классов: аристократии и городов». [К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. X, стр. 721.] В пьесе изображен испанский король Карл I (впоследствии, в качестве германского императора, именовавшийся Карлом V), правление которого (1516–1556) ознаменовало собою окончательное торжество испанского абсолютизма. Карл I ликвидировал феодальные вольности, жестоко подавил восстания городов (комунерос), расширил колониальные владения Испании в Старом и Новом свете.

Как сын австрийского эрцгерцога, Карл I после смерти деда своего, германского императора Максимилиана, притязал на императорский престол и добился его в 1519 г. благодаря подкупу князей-избирателей. Став владельцем огромной, могущественной и богатой державы, в пределах которой «никогда не заходило солнце», он строил фантастические проекты всемирной дворянской монархии, истощил казну завоевательными походами, подавлял все освободительные движения в Европе. В силу исторических условий испанский абсолютизм не сделался, как в других европейских странах, центром национального и государственного объединения всей страны. Держава Карла V скоро распалась, и со второй половины XVI в. в Испании начался глубокий экономический и политический кризис, приведший к победе феодально-католической реакции. Тяжело переживая крушение своих планов мирового господства, Карл V в 1556 г. отрекся от престола и умер в монастыре.

В политической обстановке Испании начала XVI в. Гюго искал материала для изображения деспотического гнета государства над личностью.

...Мирабо дал свободу... — Мирабо (1749–1791) — один из видных деятелей начального этапа французской революции 1789 г. Гюго явно переоценивал его значение для революции в целом.

Пусть старые правила д'Обиньяка умирают вместе со старым обычным правом Кюжаса... — Аббат д'Обиньяк в своей книге «Практика театра» (1669) один из первых во Франции сформулировал «правило трех единств» (места, времени и действия), соблюдавшееся драматургами классицизма. Жак Кюжас — французский ученый юрист XVI в., считавшийся крупнейшим авторитетом в области римского права.

«Romancero general»... перечитать «Сида», «Дона Санчо», «Никомеда»... — «Romancero general» — сборник испанских народных песен («романсов»), изданный впервые в XVI в.; он послужил одним из источников сюжета корнелевского «Сида» и вдохновил Гюго на некоторые его произведения. «Дон Санчо Арагонский» и «Никомед» — трагедии Корнеля.

...по моде Изабеллы Католической — то есть по устаревшей моде; Изабелла Католическая, королева Испании, царствовала с 1475 по 1504 г., тогда как действие «Эрнани» происходит в 1519 г.

...король Кастилий. — Различались две Кастилии: Старая (северная) и Новая (южная). Названия эти сохранились и после того, как обе эти области административно совершенно слились между собой, войдя в состав общенационального испанского государства.

Пока Бернард и Сид не покидали нас... — Бернардо дель Карпио и Сид — легендарные национальные герои Испании, борцы за свободу родины, носители идеи чести и душевного благородства.

Золотое руно — орден, введенный в Испании Карлом I; золотая цепь с подвешенным к ней изображением барабана.

Максимилиана нет — см. выше.

Франциск — французский король Франциск I, который, как и саксонский герцог Фридрих III Мудрый, был соперником Карла I в борьбе за императорскую корону.

Я Гента гражданин. — Карл V родился в Нидерландах, в городе Генте, где и получил воспитание.

...сказал Людовику мой дед... — имеется в виду французский король Людовик XII.

По булле, избранным не может быть чужой... — Так называемая «Золотая булла» (1356) императора Карла IV, с целью устраниТЬ вмешательство пап в избрание германского императора, устанавливала, что избирателями должны были быть лишь крупнейшие светские и духовные князья немецких земель.

...ношу я Индии... венец?.. Из всех Испаний ты — их у меня четыре — что хочешь выбирай... — В состав испанской державы в начале XVI в. входили:

Испания, Южная Италия, включая Сицилию, Нидерланды и владения в Южной Америке, которая тогда называлась Индией.

Знал Борджа, Сфорцу я и Лютера встречал, — но все ж такого я не видел преступленья. — Миланский герцог Лодовико Сфорца и Цезарь Борджа, незаконный сын папы Александра VI Борджа (оба умерли в начале XVI в.) были широко известны своими предательствами, насилиями и убийствами; Лютер, основатель немецкого протестантизма, должен был представляться правоверному католику дону Руй Гомесу воплощением ереси и безнравственности.

Как в день Семи голов... — По средневековому народному сказанию, семеро братьев, благородных юношей из кастильского рода Лара, были предательски завлечены своим дядей в засаду и убиты маврами. Позже сводный брат погибших Мударра отомстил за них предателю. Это предание о «Семи инфантах Лары» составило сюжет эпической поэмы и многих романсов.

Сант-Яго был магистр и Калатравы... — Сант-Яго и Калатрава — два рыцарских ордена, основанных в XII веке в Испании преимущественно для борьбы с маврами.

В ней ставка — жизнь моя. — Намерение участников Лиги убить Карла I — вымысел Гюго.

Примас — почетный титул некоторых архиепископов, имевших особый авторитет и права.

Трибуле — см. примечания к драме «Король забавляется».

Я назван был на ты. — Обращение на «ты» со стороны короля, как выражение особой близости, было исключительной привилегией грандов Испании, так же как право находиться в присутствии короля с покрытой головой.

Тритем, или Тритемий (ум. в 1516 г.) — немецкий историк и богослов, занимавшийся также магией. Корнелий — Корнелий Агриппа из Неттесгейма (ум. в 1535 г.) — немецкий алхимик, натурфилософ и медик.

Они превыше всех, живут в них оба Рима — то есть могущество античного императорского Рима и нового папского Рима.

Весь мир — и римская священная корона... — «Священная Римская империя германской нации» была основана еще в X в., как союз папской и императорской

власти при фактическом подчинении папы германскому императору. Последний претендовал на роль «светского главы всего христианского мира», почему его империя и называлась «священной».

Мы Валтасаровы слова пришли писать. — Согласно библейской легенде, последний вавилонский царь Валтасар, осажденный персами в своем дворце, устроил пир, во время которого невидимая рука начертала на стене огненные слова, возвещавшие гибель царя и его царства. В ту же ночь это пророчество исполнилось.

Уплаты ищет Рим, пора смирить датчан, Франциск, Венеция, там Лютер, Сулейман... — Карлу V действительно пришлось, сразу же после избрания его императором, вступить в борьбу с многочисленными противниками — с папой, требовавшим непомерных церковных податей, с Лютером, подрывавшим устои католицизма, и датским королем Христианом II, поддерживавшим протестантизм, с Франциском I — главным его политическим антагонистом в Европе, с Венецией — опаснейшим конкурентом в торговле со странами Средиземноморского бассейна. Борьба Карла V с турецким султаном Сулейманом II относится к более позднему времени.